

ВАДИМ ПАНОВ

ПОВОДЫРИ
НА РАСПУТЬЕ

• АНКЛАВЫ •

Анклавы

Вадим Панов

Поводыри на распутье

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2006

Панов В. Ю.

Поводыри на распутье / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов
Вадим», 2006 — (Анклавы)

ISBN 5-699-17737-X

Когда-то Москва была столицей великой страны, потом она стала Анклавом, одним из многих, теперь ее тайны могут спасти прижатый к стенке мир. Мир, в котором властвует Цифра, нанотехнологии и геновая инженерия позволяют добиваться невероятных результатов, а могущественные корпорации соперничают с одряхлевшими государствами. Мир, который отчаянно пытается найти дорогу в будущее. Мир, в котором борьба за власть достигла апогея...

ISBN 5-699-17737-X

© Панов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

© Панов Вадим, 2006

Содержание

Люди на Земле	5
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вадим Панов

Поводыри на распутье

Люди на Земле Гончий Пес

Ветер бил в лицо. Настоящий морской ветер, злой и колющий, похожий на беспощадную акулу с отточенными, холодными зубами. Его укусы превращали кожу в бесчувственный пергамент, на котором периодически, когда поток приносил с собой острые льдинки, появлялись кровавые письмена. Пилоты «водомерок» обязательно надевали пластиковые маски, но Петр всегда ограничивался шлемом и очками. Оставлял лицо открытым. Петру нравилась злость еришистого ветра, нравилось ощущать, как теряет чувствительность кожа и то, как потом, в тепле, она оживает, обиженно огрызаясь едкими уколами. Однажды Петр потерял осторожность и едва не обморозил щеки. Их спасла чудо-мазь Боцмана, старого служаки, заведующего техникой на водно-моторной станции ЦСКА¹. Но даже этот случай не заставил Петра изменить себе. Он продолжал носиться по Финскому заливу без маски и возвращался на станцию с задубевшим лицом и свежими порезами – лобовое стекло «водомерки» слишком мало, чтобы уберечь пилота от миллиарда льдинок залива. Тем более – такого пилота.

– Я лечу! – Петр привстал в седле, подставив лицо встречному ветру. – Я лечу!!

И счастливо захохотал. И заложил крутой вираж, специально врезавшись левым крылом в довольно высокую волну. Добавил газу, взлетел над черной водой, на мгновение завис в воздухе и стрелой рванул дальше, в залив.

– Я лечу!!!

«Водомерки», одно из последних изобретений «Ямахи», весьма приглянулись любителям острых ощущений. Официальное и довольно длинное название машины, в котором присутствовало много ученых слов вроде «гидропланирование», «форсированный», «амфибийный», никто не помнил. В Америке и Европе ее называли универсальным скутером, в России же приклеили кличку «водомерка». Яхт-клубы Питера закупили огромное количество новых игрушек, и весь сезон столичный свет наперегонки носился по заливу. Петру, не имеющему родственников ни среди правительственных бонз, ни среди нефтяных баронов, летом удалось покататься всего пару раз. Мало, но вполне достаточно, чтобы навсегда влюбиться в эту машину. Зато осенью, когда детишки могущественных людей улетели в теплые края, а сами бонзы предпочитали сауны и бассейны с подогретой морской водой, весь парк армейской станции оказался в распоряжении Петра. Вот тогда-то он по-настоящему оценил уникальные возможности «водомерок», которые с равным успехом могли мчаться и по воде, и по льду, даря пилоту незабываемые ощущения.

– Держись! – крикнул Петр непонятно кому: то ли себе, то ли машине. – Держись!!

Он разогнался до максимальной скорости, бессвязно проорал еще несколько слов, в основном ругательств, а затем стиснул зубы и напрягся, не сводя глаз с болтающегося на воде трамплина.

– А-а!!!

«Водомерка» взмыла в воздух. Мгновения полета, мгновения невесомости, мгновения упоения...

И брызги холодной воды в лицо. Черной воды залива.

¹ ЦСКА (аббр.) – Центральный спортивный клуб армии, спортивное общество Вооруженных сил Российской Федерации. Значения некоторых других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. редактора).

Как всегда после прыжка, машина клонула носом, но Петр уверенно вывел ее в нормальное положение, сбросил газ и посмотрел на приборную панель. Семьдесят два метра – новый рекорд!

И тридцатичетырехлетний Петр, опытный, циничный и жесткий мужчина, рассмеялся. Весело, как мальчишка.

На этот раз Петр катался два часа, на тридцать минут больше обычного. Уже завтра ему предстояло отправиться в длительную командировку, и он не мог заставить себя оторваться от «водомерки» и вернуться на берег. Поворачивал, пролетал несколько десятков метров и вновь уносился в залив, вновь штурмовал волны и прыгал через невысокие торосы. Но время неумолимо, и, когда показатель уровня топлива стал красным – бензина оставалось всего на десять минут, – Петр направил машину к станции. Выскочил на укатанный лед – солдаты срочной службы чистили его ежедневно, – сбросил скорость, и «водомерка» медленно заскользила к пирсу, на котором появилась приземистая фигура Боцмана.

Ожил закрепленный в шлеме передатчик.

– Как покатался?

– Отлично!

Но рукой Петр махнул вяло. Настроение, еще несколько минут назад блестящее, куда-то ушло, растворилось, уступив место неприятной, раздражающей тоске.

«Ну, уезжаю, ну, несколько месяцев вдали от моря, ну и что?»

Тоска родила еще менее понятное беспокойство, неуверенность в себе. «Водомерка» хоть и медленно, но накатывалась на пирс, пора было выключать двигатель и бросать Боцману линь, однако Петр не спешил.

– Заснул, что ли?

– Сейчас, сейчас...

Петр попытался скроить на задубевших губах подобие улыбки, снова махнул рукой, показывая, что все в порядке... и замер, увидев вышедшего на пирс человека.

Незнакомец был мал ростом, даже ниже, чем приземистый Боцман, узок в плечах и на первый взгляд выглядел совершенно безобидно. На первый взгляд. Или на неопытный взгляд. Но мягкая походка невысокого, плавная и в то же время быстрая, сказала Петру очень много – по пирсу двигался боец. Классный боец. Когда же незнакомец подошел ближе, последние сомнения рассеялись: темная одежда ловко подогнана и не стесняет движений, за спиной небольшой рюкзак, на лице – маска.

Петр так и не понял, что заставило его отложить линь. Он положил руки на руль и поинтересовался:

– Кто это?

– Где? – Боцман обернулся.

До пирса оставалось метров пять. Двигатель едва слышно урчал. А Петр... Петр разрывался между здравым смыслом, который ехидно и метко обрисовал ему идиотизм ситуации – чего запаниковал, мало ли кто приехал на станцию, и унылой тоской, что обрушилась на него несколько минут назад.

Просто тоска или предчувствие беды?

– Ты кто такой? – поинтересовался Боцман, смерив приближающегося незнакомца тяжелым взглядом. – Пропуск покажи.

Невысокий не ответил. Не остановился. Продолжал идти, как шел. И не сводил глаз с Петра. Петр не видел, не мог видеть этот взгляд, но готов был поклясться, что незнакомец смотрит прямо на него.

И надавил «малый назад». «Водомерка» сначала замерла, прекратив накатываться на пирс, а затем потихоньку стала сдавать к заливу.

– Язык проглотил?

Массивный Боцман преградил незнакоmu дорогу. На мгновение – всего на мгновение! – перекрыв Петру обзор. А затем послышалось громкое: «Ой!», и старик, перелетев через ограждение, ухнул на лед. Как кукла. Как ребенок. А ведь в нем весу килограмм сто двадцать! И силы еще оставались!

Большие Петр не сомневался.

Полный назад. Самый полный назад! Двигатель взревел, и «водомерка» резко отошла от пирса. Невысокого ситуация не смутила. Он резко ускорился, прыгнул на лед и бросился за уходящей машиной. И еще незнакомец не поскользнулся, он бежал по льду, словно по идеальной дорожке олимпийского стадиона.

Он бежал к Петру.

«Что за псих?!»

Петр развернул «водомерку» и прибавил скорость. Посмотрим, как тебе понравится бежать за стремительно набирающей ход машиной, но... обернувшись, Петр увидел, что невысокий продолжает преследование.

Это было нереально. Нереально! «Водомерка» шла со скоростью пятьдесят километров в час!

Шестьдесят.

Невысокий не отставал.

Семьдесят!

Преследователя это не смутило.

Это было похоже на страшный сон. На кошмар.

У Петра задрожали губы.

«Что происходит?!»

Тоска уступила место страху. Невнятная тоска – липкому, животному страху. Невысокий пришел за ним. Нет никаких сомнений, что невысокий пришел за ним. Но почему?

Мысли путались, наскakивали одна на другую, рассыпались под натиском одной-единственной: «Он меня убьет!!». А вот инстинкты не подвели: Петр продолжал прибавлять скорость, надеясь, что рано или поздно ужасное преследование прекратится.

Сто километров в час! Сто! Сто!!

А дистанция между «водомеркой» и незнакомцем не изменяется! Или сокращается? Сокращается?!!

Обернувшись Петр пропустил момент перехода на чистую воду, и неожиданный толчок едва не вышиб его из седла. Машина, оставляя за собой пенный след и тучу брызг, заскользила дальше, а пилот, едва переведя дух, снова обернулся: если бы невысокий продолжил бег и по воде, Петр сошел бы с ума. К счастью, незнакомец, несмотря на выдающиеся способности к легкой атлетике, нарушать физические законы не умел. Остановился у кромки.

– Съел, да? Съел?!

Отведя машину метров на пятьдесят, Петр сбросил скорость и развернулся. Инстинкт подсказывал: «Беги, беги как можно дальше!», но он не мог покинуть поле боя вот так, трусливо, не попытавшись разглядеть странного преследователя с безопасного расстояния.

– Обломался? – усмехнулся Петр. – Не достал? Урод!

Он вскинул руку и поприветствовал невысокого неприличным жестом.

И слишком поздно понял, что тот в свою очередь тоже сделал жест. Нет, не жест – движение. Плавное, отточенное движение.

Посланный нож вонзился именно в то место, в которое был направлен – в глаз Петра. А следом прилетела граната. Едва Петр упал с седла, как металлический шар, брошенный с невозможной точностью, разнес «водомерку» на куски.

Пролог

Территория: Китайская Народная Республика

Окрестности Пекина

Хочешь договориться с тигром – готовься вилять хвостом

Бурные годы двадцать первого века не сильно изменили столицу Поднебесной. В деловом центре появился взвод новых небоскребов, преобразились некоторые государственные здания – министерства воздвигли современные комплексы, в паре районов выросли двух-трехуровневые улицы. Выросли, но не прижились и по всему городу не расползлись – не требовалось. Власти самого населенного государства мира жестко контролировали число жителей Пекина, не допуская превышения определенного давным-давно лимита. Пекин – не Шанхай и не Гонконг, это столица, город Императора, город Председателя, центр управления огромной державой, и поднебесники не собирались превращать его в мегаполис. Не желала меняться столица, лишь чуть-чуть прогибалась под новомодные архитектурные течения, сохраняя верность древним традициям. И подобное отношение к наследию предков грело душу миллиардам подданных Председателя, свято верящих в то, что только варвары способны плюнуть на свое прошлое.

Впрочем... так оно и есть на самом деле.

А потому самый значительный отпечаток век двадцать первый оставил не в городе, а за его пределами, километрах в десяти за чертой, где вырос суперсовременный транспортный узел имени Дэн Сяопина. С полосами, способными принимать и сверхзвуковые самолеты, и шаттлы с орбиты; с причалами для дирижаблей – высоченными башнями с грузовыми и пассажирскими площадками; с десятками подъездных путей: с автомобильными дорогами, веткой метро, монорельсом и железнодорожным вокзалом. Главные ворота китайской столицы ничем не отличались от лучших транспортных узлов Анклавов, а по некоторым параметрам даже превосходили их. И вот здесь не было места традициям.

Впрочем, оценить достоинства самого продвинутого района Пекина Урзак не успел. Да и не стал бы оценивать, если честно: что он, гигантских вокзалов не видел, что ли? Видел. И не один раз. И никогда они не привлекали его внимания. Таращиться на чудеса современной техники – удел фермеров из тибетских провинций, прилипающих носами к стеклу при виде серебристых самолетов. А для городских жителей крылатые машины не диво – средство передвижения.

«Страт», прибывший в Пекин из Анклава Цюрих, проделал все предписанные маневры и остановился на указанном диспетчером месте. Пассажиры первого класса – других в самолете не было, ибо путешествие через стратосферу – удовольствие для состоятельных, чинно завозились, собираясь на выход, но куколки-стюардессы забегали, засуетились и попросили не спешить, несмотря на то что мобильный зал, которому предстояло перевезти господ к зданию аэровокзала, уже замер неподалеку от левого крыла. На вопросы «Почему?» отвечали вежливыми улыбками и таинственно поглядывали на Урзака. На высокого человека в черной одежде, идущего, тяжело опираясь на трость, по широкому проходу между сиденьями. Старомодный фасон костюма, старомодный галстук со старомодным узлом, старомодная деревянная трость с вырезанным в виде змеиной головы набалдашником. Во время полета на него не обращали внимания, зато теперь взгляды пассажиров не отрывались от сухопарой фигуры.

От человека, для которого к «страту» подали отдельный трап.

Урзак в гордом одиночестве вышел из самолета, несколько мгновений постоял на бетоне полосы, словно здороваясь с окружающим миром, и после этого уселся на заднее сиденье подкатившего к самым ступенькам трапа роскошного «Мерседеса Мао». Разумеется, ни о каком

пограничном контроле, с проверкой «балалайки» и обязательным просвечиванием наноскопом, и речи не шло – он прибыл в страну по приглашению ЦК КПК, и этим все сказано. А продолжающие оставаться в самолете верхолазы прилипли к иллюминаторам, стараясь понять, что за шишка летела вместе с ними.

Но на их удивление Урзаку было плевать.

И на тех, кто его встречал, ему тоже было плевать.

А встречающие, в свою очередь, сразу же это поняли. Хорошие слуги чувствуют человека годами наработанным чутьем, определяют, с кем можно поговорить, с кем следует только поздороваться, а к кому лучше не лезть. К этому варвару приставать не следовало.

Распахнули заднюю дверцу лимузина, молча склонились в почтительном поклоне, а после отвезли к вертолету, внутреннее убранство которого могло удовлетворить капризы любого верхолаза. Урзак спросил воды с лимоном, уселся в кресло у окна и до конца полета не отрывал взгляд от проносящегося под вертолетным пузом пейзажа. Сначала бездумно разглядывал бетонные коробки транспортного узла, затем сдавливающие его дороги, а после – раскинувшийся лес. Вертолет уходил прочь от Пекина, в заповедную зону, в которой строили дома избранные чиновники Народной республики. Изредка среди деревьев проглядывали крыши роскошных вилл, но ни над одной из них вертолет не пролетел.

Минут через десять после исчезновения последней постройки вертолет начал снижение, устремившись к небольшому одноэтажному домику, выстроенному в классическом китайском стиле. И вот тут Урзак впервые с момента прилета в Поднебесную сбросил маску безразличия. Он отставил бокал с водой, быстро, но **ОЧЕНЬ** внимательно оглядел строение, прикрыл глаза и...

Со стороны могло показаться, что Урзак молится. Или шепчет заклинание. Но о каких заклинаниях можно говорить в век нанотехнологий и космического туризма? С другой стороны, зачем ему молиться? Да и не производил он впечатление верующего человека. Тем не менее что-то шептал. Долго шептал, почти минуту, и закончил молитву-заклинание пассом левой рукой.

Но сопровождавший высокого гостя китаец отнесся к поведению гостя спокойно. Так, словно все значительные люди, которых ему доводилось привозить в этот глухой уголок, действовали точно так же. А значительных людей молчаливый сопровождающий повидал немало и помнил, что почти все они при виде скромного домика начинали нервничать. Нынешний же гость, как отметил китаец, просто проявлял разумную предосторожность. Страх в нем не было.

Совсем не было.

Покинув вертолет, Урзак медленно, нарочито тяжело опираясь на трость, направился к дому. Неспешное движение не только помогло ему показать хозяину, что он не торопится на встречу, но и оглядеться. И заметить маленький листок на кустике, едва заметно трепещущий при полном отсутствии ветра; камешек, поверхность которого пульсировала, словно живая; комарика, вьющегося чуть позади. Вьющегося, но не кусающего. Человек, искушенный в современных системах безопасности, сказал бы, что Урзак заметил заурядные датчики. В мире нанотехнологий не сложно создать подобные устройства. Но человек понимающий, человек, достигший в своем совершенстве уровня Урзака, видел глубже, и не укрылась бы от него истина: ни в листке, ни в камушке, ни в москитке нанов нет.

Их наполняла иная сила.

Внутри дома Урзак прошел в одиночестве. Безошибочно обнаружил комнату, подготовленную для чайной церемонии, без приглашения опустился в кресло, поставив трость рядом, и спокойно посмотрел в глаза сидящего напротив старого китайца.

– Рад, что вы согласились встретиться со мной, уважаемый Урзак. Надеюсь, путь ваш не был слишком долгим?

- Я скоротал его размышлениями.
- Достойное времяпрепровождение.

Оспаривать это заявление путешественник не стал. Улыбнулся. И, продолжая светский разговор, сообщил:

- У вас хороший дом, уважаемый Ляо, надежный.
- Здесь бывают разные гости, – несколько неопределенно ответил старик.

По комнате разнесся аромат чая. Прислужников не было – хозяин сам ухаживал за гостем.

Урзак поднес к губам чашку тончайшего, едва ли не прозрачного фарфора. Сделал глоток.

- Я бы предпочел, чтобы меня называли Хасимом. Мое имя – Хасим Банум.

Китаец тонко улыбнулся:

- Оставьте его для шейхов. В отличие от них я знаю ваше имя.
- И все-таки, прошу вас – Хасим. Тем более настоящее мое имя неизвестно ни вам, ни шейхам.

- Вы осторожны.
- Не более вас.

Урзак протянул руку ладонью вверх, и на скрывающую кисть перчатку послушно уселся давешний москит. Замер, дернулся и рассыпался в шепотку пыли.

Поднебесник остался невозмутим.

- О чем вы хотели поговорить? – выдержав короткую паузу, поинтересовался Урзак.
- Как обычно – о врагах.
- О своих врагах?
- О наших общих врагах, – уточнил Ляо.
- Они у нас есть?
- Чудовище, – коротко ответил китаец.

Глаза Урзака и цветом, и холодом напоминали блеклый лед. Выдержать его взгляд получалось не у каждого, но Ляо, судя по всему, в твердости не уступал алмазу. С минуту в комнате царил тишина, а затем Урзак вновь пригубил чай и покачал головой:

- Вы шутите.
- Увы, уважаемый Хасим, не шучу.
- Чудовища не существует.
- Много лет назад вы уже говорили об этом.
- И повторю снова!
- Совсем недавно я видел его тень!
- Лично?
- На видео.

– Не доказательство, – покачал головой Банум. – С помощью современных средств можно нарисовать что угодно.

- Я уверен...
- Я был в Храме! – тихо, но очень твердо произнес Урзак. – Я. Был. И никто...

Внезапно он замолчал. Оборвал фразу на полуслове и перевел взгляд на скрытые под черными кожаными перчатками кисти рук. На одно, едва уловимое, мгновение Урзак позволил эмоциям взять верх, и на его лице отразилось... сомнение? Внимательный Ляо успел увидеть странное выражение. И дорого бы дал, чтобы узнать, какая мысль пришла в голову гостя.

- Никто, – повторил Урзак.

Но в голосе его уже не было той уверенности, с какой он начал разговор. И фразу, оборванную на полуслове, он не продолжил.

- Никто.

- Мне доводилось встречаться с Чудовищем много лет назад, – мягко напомнил китаец.
- Ваш рассказ о том событии был краток и не вызывал доверия, – буркнул Урзак.
- В те годы мы не слишком доверяли друг другу.
- Теперь мы доверяем еще меньше.

– Это так. – Ляо согласно кивнул. – Но все усложнилось. Одному мне не справиться. И как бы вы, уважаемый Хасим, ни относились ко мне лично и к моей Традиции, вы понимаете, что должны помочь.

– Я никому ничего не должен, – угрюмо возразил Урзак. – Я рассчитался со всеми долгами задолго до твоего рождения, старик.

– Получается, что не со всеми.

– Пока ничего не получается, – отрезал Урзак. – Моя Традиция мертва. Последний ее Храм разрушен. – И быстрый взгляд на перчатки... – Я перебил Гончих Псов и умертвил Читающих Время. Умирая, они проклинали меня, если тебе интересна эта подробность, старик. Но их слова не имели силы, потому что я не осквернил Традицию, а сделал Выбор. Потому что другой путь вел во Тьму.

– Я верю вам, Хасим, – вздохнул Ляо. – Но совсем недавно я видел Гончего Пса, ставшего тенью Чудовища. А много лет назад видел само Чудовище. Потом оно исчезло, спряталось, но тень снова появилась. Я думаю, Чудовище рискнуло высунуться, поскольку что-то замыслило.

– Что? – не выдержал Банум.

– Если оно до сих пор живо, если не сошло с ума на развалинах последнего Храма, не покончило с собой, значит, оно видит Путь. Вот моя логика, уважаемый Хасим.

– Все, кто был в Последнем Храме, мертвы, – глухо проронил Урзак.

– А те, кто не был?

– В тот день там собрались все.

Но отсутствовала в голосе Банума стопроцентная убежденность. Отсутствовала. И Ляо, понявший, что сумел проломить стену недоверия, бросил в бой последний козырь:

– У меня есть руны, уважаемый Хасим, настоящие руны... Только не спрашивайте, где я их взял.

– И что?

– Возьмите. – Китаец выложил на столик несколько костяшек. – Возьмите.

– Если это проверка, то я готов подтвердить твою догадку: я не чувствую, – тихо произнес Урзак. – Но это не поможет тебе справиться со мной.

Правая рука гостя сжалась в кулак.

– Это не проверка, – так же негромко ответил китаец. – Но теперь я понимаю, почему вы не знали о появлении Чудовища. И окончательно убедился в том, что не ведете двойную игру. – Ляо осторожно взял руны в ладонь, выдержал короткую паузу и закончил: – Руны теплые. Они снова ожили.

На этот раз Урзак молчал долго. Вертел ручку трости, поворачивая ее то вправо, то влево, словно заставляя змею изучать окрестности, иногда беззвучно шептал что-то, словно споря с самим собой, иногда ненадолго закрывал глаза.

Китаец сидел не двигаясь, даже к чаю не прикасался, не мешал. Он догадывался, какую просьбу выскажет гость, покончив с размышлениями, и не ошибся.

– Я хочу услышать тот знаменитый рассказ, Ляо. – Урзак усмехнулся. – От начала и до конца. Со всеми подробностями. Со всеми нюансами. С результатами расследования, которое наверняка проводилось, и с твоими мыслями. Я хочу знать все.

Глава 1

Люди на Луне

Претендент

– Фамилия?!

– Безуглов!

«Чертов шум!»

В голове треск, вой – нагрузили на тренировке по полной, но тех, кто задает вопросы, это не волнует. Точнее, они потому и задают вопросы, что только что была изнуряющая...

– Звание?!

– Майор военно-космических сил Российской Федерации.

– Личный номер!

– Пять, девять, девять...

Отвечать надо быстро и четко. Очень быстро и очень четко. Быстро, как только возможно. При этом надо постараться не глотать звуки, не сбиваться на невнятицу. Отвечать по-строевому, показать, что все это ерунда... И ни в коем случае не перепутать цифры! Лучшие ответить медленнее, зато правильно.

– ...семь, четыре!

«Чертов шум!»

– Молодец, майор.

– Служу России!

И сразу же другой голос. Такой же резкий и пронзительный. Такой же требовательный. Только чуть выше, чем первый:

– Последовательность действий в случае нештатной ситуации номер восемь!

– Быстро! Быстро, майор!

И свет, внезапно ударивший в глаза. Мгновение назад в комнате царил приятный, расслабляющий полумрак, и вот уже в лицо бьют четыре лампы.

– Быстро! Быстро, майор!

«Что это за ситуация, черт бы ее драл? Номер восемь... номер восемь...»

– Первая операция. Левая рука. Переключение тумблера шесть-один в положение «выкл». – Рука Безуглова машинально дернулась: он уже сидел в кресле пилота и действовал так, как требовала изменившаяся обстановка. – Первая операция. Правая рука. Одновременное нажатие кнопок...

«Чертов шум!»

– Вы левша?

Пауза длиной в одно мгновение:

«Разве они не знают?»

– Так точно!

Свет погас так же неожиданно, как и вспыхнул. На мгновение Безуглов ослеп, перед глазами поплыли цветные пятна, а потому он не увидел – почувствовал – к нему подошли.

– Не удивляйтесь последнему вопросу, майор, я здесь недавно и еще не читал ваше досье.

«Да, конечно».

– Я сделал вывод по тому, что вы начали перечисление действий с левой руки. Я оказался прав.

Безуглов промолчал. Зрение постепенно восстановилось, и он сумел разглядеть говорящего.

Китаец. Впрочем, по голосу было понятно, что не свой: акцента характерного нет, но тональность чересчур высока. Стрижка короткая, лицо невозмутимое. Под распахнутым белым халатом – штатский костюм. Но и без погон видно, что ишика. По поведению. По манере говорить. По тому, как смотрит из-за стола полкан космических сил. Раболепно смотрит. Каждое слово ловит.

«Черт!!»

Только сейчас до Безуглова дошло, что вопросы ему задавал не какой-нибудь хмырь из яйцеголовых мелкозвездочников, а сам Усатый, руководитель программы подготовки.

– Можете расслабиться, майор, вопросов больше не будет.

«Так я тебе и поверил!»

Хотя... возможно, китаец сказал правду: шум в голове постепенно рассеивался, что делало экзамен менее продуктивным. Навыки должны быть отработаны до автоматизма, а потому теорию в отряде частенько сдавали после изнуряющих тренировок. Все верно. В критических обстоятельствах пилот обязан действовать идеально, машинально принимая правильные решения, невзирая на свое состояние и окружающую обстановку. Пилот обязан действовать как компьютер. Нет, лучше, чем компьютер. Компьютер способен ошибиться. Хороший пилот не ошибается никогда. Поэтому в космос летит человек, а не компьютер. Нет, конечно, электронная начинка в корабле самая современная, и ее тоже выводят на орбиту, но в конечном итоге все зависит от человека, и только от него.

– Вы ответили на все вопросы.

Безуглов промолчал. Не орать же в самом деле: «Служу России!»

– Вы единственный, кто не ошибся, – уточнил китаец.

И снова тишина.

– Почему вы молчите?

– Вы ни о чем меня не спрашивали.

– Я вас хвалил.

– Вы подтверждали мои профессиональные навыки.

Усатый пробурчал что-то, но тихо, под нос. И Безуглов окончательно понял, что полкан в комнате для мебели, чтобы не обижать союзников, так сказать, а принимает экзамен китаец.

– Каково это: быть лучшим среди претендентов?

– Непросто.

– У вас нет друзей.

– Нет времени на дружбу.

Китаец отвел взгляд. Сделал пару шагов.

– Я разговаривал с инструкторами. Вы действительно лучший из всех претендентов, майор Безуглов. Но никто из ваших учителей не хотел бы лететь с вами.

– Я знаю.

– Вот как?

– Я ни с кем не дружу, но это не значит, что я ни за кем не наблюдаю, – спокойно ответил Безуглов. – И я понимаю, почему они так относятся ко мне.

– Почему вас не любят?

– Потому что в случае нештатной ситуации номер один я сразу же перекрою разгерметизированные отсеки и не буду пытаться никого спасти. Я это знаю, и они это знают. Они боятся меня.

Китаец кивнул головой:

– Во время экзаменов все курсанты действовали строго по инструкции и перекрывали отсеки.

– Все хотят лететь.

– Да, вы правы, лететь хотят все. Поэтому мы тратим столько времени и сил, чтобы отобрать лучших из лучших.

Безуглов вновь промолчал. Китаец посмотрел на Усатого:

– Он всегда столь немногословен?

– Так точно. Молчун.

– Это плюс.

И вновь внимательный взгляд на майора. Но если поднебесник и хотел что-то прочитывать на лице русского, то вряд ли ему это удалось – Безуглов умел оставаться невозмутимым.

– Три года назад на орбитальной станции «Мир-2» возникла нештатная ситуация номер один, – монотонно, словно читая лекцию, произнес китаец. – Три человека погибли. Расследование показало, что двух из них можно было спасти, если бы человек, принявший решение перекрыть поврежденные отсеки, выждал еще десять секунд. Тем не менее обвинение не было предъявлено, поскольку пилот действовал строго по инструкции.

«Говоришь, не читал личное дело?»

– Три человека погибли, семнадцать спаслись, – спокойно ответил Безуглов. – Я ни о чем не жалею.

– С вами никто не хотел летать, майор, и вас направили сначала на курсы переподготовки, а затем сюда. Тоже своего рода курсы. И там, и здесь вы были лучшим. – Поднебесник помолчал. – Но ваша слава – ваш крест. Вас не любят ни начальники, ни сослуживцы.

– Вы тоже боитесь со мной лететь?

Полкан попытался рывкнуть что-то грубое, но китаец, которого не задело высказывание майора, жестом заставил его умолкнуть.

– Хотите сказать, что вы единственный профессионал?

– Я единственный, кто сможет долететь.

– Почему?

– Потому что я не останавлиюсь ни перед чем, чтобы долететь.

– У вас нет выбора, – тонко улыбнулся поднебесник. – Или вы совершите подвиг, или... Если я вас не выберу, вас выгонят из военно-космических сил. Что вы сделаете в этом случае? Застрелитесь?

Ему было искренне интересно. Безуглов скривил уголок рта. А затем, жестко глядя прямо в глаза китайцу, ответил:

– Вы меня выберете.

– Почему?

– Потому что я лучше компьютера.

Усатый хмыкнул, а вот поднебеснику, как ни странно, заявление майора понравилось. Он в очередной раз кивнул:

– Меня зовут Фань Чи. Полковник Фань Чи. Я командир нашего экипажа.

Безуглов чуть приподнял брови и осторожно переспросил:

– Нашего?

– Я полечу на Луну с вами, – сказал китаец и протянул правую руку. – Давайте знакомиться, майор Безуглов.

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

Чтобы найти черную кошку, иногда следует стать черной кошкой

Из всех существующих на Земле Анклавов Цюрих являлся самым маленьким – его население едва-едва перевалило за двадцать миллионов человек – и в то же время самым влиятельным. Именно здесь, в Швейцарской Жемчужине, размещались основные органы управления независимыми корпоративными территориями. Здесь собирался АСА – Административный Совет, занимающийся повседневными делами Анклавов. Здесь располагалась главная биржа независимых территорий, на которую равнялась вся мировая экономика. И здесь же находилась штаб-квартира СБА, центр могущественной структуры, стоящей на страже интересов корпораций.

Здание Службы размещалось в главном деловом районе Цюриха, в Альпийской Поляне, и носило гордое имя «Замок Ван Глоссинга», в честь первого президента СБА. Единственного, кто оставался на посту до самой смерти: старого Гельмута застрелил снайпер, нанятый Исламским Союзом, – в те романтические времена правительства государств еще надеялись вернуть корпорации под свое крыло простым уничтожением идеологов независимости. Не получилось. Ван Глоссинга похоронили, Анклавы встали на ноги, отношения и с Исламским Союзом, и с остальными государствами постепенно наладились, но охранять лидеров СБА стали весьма тщательно, в результате чего все последующие президенты уходили с поста живыми и здоровыми.

Другое дело, что покидать выборную должность после первых четырех лет никто из них не спешил, и каждый прилагал все силы, чтобы удержаться, доказать всемогущим верхолазам, что именно он способен обеспечить независимым Анклавам максимальную безопасность. У некоторых получалось, и они правили по два, а то и по три срока. Другие отправлялись в отставку через четыре года, а то и раньше. Ник Моратти, нынешний руководитель Службы, был уверен, что сумеет пойти на третий круг. Но для этого ему приходилось откладывать в сторону важнейшие дела и лично вести переговоры с многочисленными игроками.

– Вчера у Холодова был прием по случаю дня рождения внучки, и Базаревич...

– Это директор московского филиала «Боинга»? – уточнил Моратти.

– Совершенно верно, – спокойно ответил собеседник, ничуть не смутившись из-за того, что его перебили. – Так вот, Базаревич после третьего бокала проболтался, что его шеф будет голосовать за тебя, Ник, и ни за кого другого.

– Хорошая новость.

– Я тоже так думаю.

Ник Моратти, плотный, большеголовый, большелобый, с круглыми, чуть навывкате глазами и внушительных размеров носом, чуть улыбнулся.

Он был типичным функционером-карьеристом, грамотным, напористым, умным и хватким, и никто не удивился тому, что он сумел прорваться на вершину. Офицер СБА в третьем поколении, Ник поступил на Службу семи лет от роду – родители записали его в специальную школу, за которой последовал особый факультет Университета и направление в элитное подразделение СБА. Молодой офицер правильно женился, выбрав в спутницы жизни дочь одного из начальников, и в тридцать с небольшим уже руководил управлением в филиале СБА Франкфурт. Но не следует думать, что карьере Моратти способствовала исключительно мохнатая лапа. Корпорации, вкладывающие миллиарды в независимые территории, жестко требовали от СБА отдачи и не потерпели бы случайного человека на серьезной должности. Для бестолковых детишек, племянников, зятьков и прочих «своих», но непутевых ребят едва ли не официально предусматривались синекуры – бессмысленные отделы с неплохими окладами. Родственникам и землякам не давали умереть с голоду, но высоко не поднимали, не позволяя семейным связям портить отлаженный механизм. А бал в СБА правили умные, энергичные и жесткие. Такие, как Моратти.

Поработав во Франкфурте, Ник перешел в Цюрих, возглавив специальное оперативное управление, призванное решать боевые задачи в любой точке земного шара. И именно на этом посту Моратти совершил свой самый яркий подвиг: блестяще провел спасательную операцию в Иркутске. Ник лично занимался эвакуацией каперов во время Второго Восточного Кризиса, участвовал в боях с китайцами, а затем полгода провалялся в госпитале, лечась от ранения в грудь и последствий распыления реактала. После этих событий Моратти стал своим для нюхавших порох вояк, а поскольку связи с элитой СБА он не потерял, то дальнейший рост карьеры был, как говорится, делом техники. Через несколько лет Ник возглавил Франкфурт, получил опыт повседневного управления филиалом СБА, четыре года провел в заместителях президента, а затем возглавил Службу.

Опытному интригану удалось продержаться на вершине восемь лет – два срока, и Моратти не без оснований рассчитывал сохранить кресло за собой и на следующие четыре года, однако недавние события поколебали его уверенность.

– Не могло получиться так, что Базаревич специально забрасывал удочку, чтобы вызвать тебя на откровенность? Или вывести настроения среди московских верхолазов?

– Не тот он человек. Энди отличный менеджер, но никакой разведчик.

Собеседником, с которым Моратти разговаривал по сети, был Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА. Худощавый, даже сухой, лет шестидесяти на вид, в черном костюме, темно-синей рубашке спортивного покроя и черных кожаных перчатках, он выглядел... обыкновенным. Невыразительное лицо, серые волосы, голубые глаза, крючковатый нос. Переодень его, и получишь клерка, неотличимого от тысяч других, что вливаются по утрам в небоскребы корпораций. И репутация у Кауфмана под стать: ограниченный служака, способностей которого хватало лишь на грамотное исполнение полученных из центра приказов. Таким видели Максимилиана обыватели, таким его видели верхолазы, таким, до недавнего времени, его видел Моратти. И лишь несколько месяцев назад Ник понял, как сильно ошибался. Прикрываясь репутацией солдафона, Кауфман сумел превратить московский филиал СБА в неподконтрольную Цюриху систему, с целью... А вот тут у Моратти зиял пробел. Он не знал, для чего московскому директору потребовалось прятаться от центра, однако был полон решимости выяснить это. И по возможности скорее, до выборов, ибо чувствовал старый интриган угрозу. Чувствовал и собирался драться.

– Ладно, до выборов еще есть время. – Моратти дружески улыбнулся. – Макс, хочу поздравить тебя с успехом в борьбе с Консорциумом. Столь крупную партию «синдина» СБА давно не перехватывала.

– Мы хорошо поработали, – признал Кауфман.

– Не скромничай – великолепно поработали. В последнее время тебе сопутствуют сплошные удачи.

– Пытаюсь оправдаться за прокол с Фадеевым, – попытался отшутиться Максимилиан.

Или не отшутиться? Или нарочно напомнил о самом большом провале Службы за последние десять лет? Моратти немедленно посерьезнел:

– Новых фактов в расследовании не появилось?

– Увы. Но мы продолжаем копать.

– Я надеюсь на тебя, Макс, крепко надеюсь. Если до конференции появятся хоть какие-нибудь проблески, мой отчет верхолазам станет менее унылым.

– Пятно лежит на нас обоих, – вздохнул Кауфман. – Мне бы тоже хотелось почистить мундир.

– Вонючий ублюдок, – выругался Моратти, выключив коммуникатор. – Скотина!

– Наши подозрения оправдались?

– А ты так не считаешь?

– Я хотел услышать ваше мнение, патрон.

Единственным человеком, который присутствовал при разговоре президента СБА и директора московского филиала, был Стефан Дрогас, официально являющийся одним из десятка советников Моратти, а на деле – ближайшим его помощником. Квалификация Дрогаса позволяла ему претендовать на пост начальника специального оперативного управления – его боевому опыту и таланту мог позавидовать любой служака, но Стефан предпочел роль серого кардинала, человека, улаживающего щекотливые дела президента.

Стефан расположился с другой стороны стола, так, чтобы не попасть под камеры коммуникатора, и заговорил лишь после того, как Ник отключил связь.

– Я не верю Мертвому, – после короткой паузы произнес Моратти, назвав Кауфмана его кличкой. – Двадцать лет он искусно водил всех за нос, прикидывался исполнительным дуболомом, а сам прибирал к рукам Анклав. В настоящее время Москва вышла из-под контроля Цюриха. Я не имею там власти... – Снова пауза. – Нет, не так: СБА не имеет там власти.

– Если мы сообщим об этом, признаем, что выпустили ситуацию из-под контроля, верхолазы потребуют отставки Кауфмана и добьются ее, – негромко произнес Дрогас. – Но и нам не удержаться. Корпорации такой вопиющий прокол не простят.

– Ты думаешь, я этого не понимаю?

– Извините, патрон, я размышлял вслух. – Стефан побарабанил пальцами по столешнице. – У нас есть компромат на Кауфмана?

– Увы.

Святых среди директоров СБА не водилось – слишком много возможностей предоставляла высокая должность. Директора присваивали выделенные филиалам средства, оказывали незаконные услуги верхолазам, обкладывали данью работающие в Анклавах фирмы: мало, что ли, способов поднять с земли лишнюю копейку? Зарывались директора редко, корпорации скорее мирились с этим злом, чем боролись, но если президент вытаскивал на свет грязные делишки неугодного подчиненного, тот всегда отправлялся в отставку.

А вот на Кауфмана у Моратти компромата не было. Никакого.

– Его родители давно умерли, детей нет, жены нет, любовницы постоянно меняются. Акций нет, на личном счету только накопления, складывающиеся из официальной зарплаты.

– Неправедные сбережения на открытых счетах не хранят.

– Тем не менее служба собственной безопасности за все эти годы ничего не накопила. Даже Чинча оказался бессилен, а уж какой был профессионал.

– В таком случае выход у нас один: бороться с Мертвым его же методами, – подытожил Дрогас.

– Тайными операциями?

– Совершенно верно. Мы должны продемонстрировать, что Кауфман не соответствует занимаемой должности. В этом случае поддержка со стороны москвичей станет выглядеть подозрительно, и они его сдадут.

Моратти потер лоб.

Предложение Дрогаса было не лишено смысла. Если провести несколько громких акций, вызвать народное ворчание и недовольство верхолазов, то Мертвого можно убрать еще до выборов: ну, не справился директор с должностью, перестал отвечать высоким требованиям, размяк, постарел, с кем не случается? Почетная пенсия, красивый дом в заповедном уголке, ловля форели, а через пару месяцев или внезапный инфаркт, или несчастный случай. Кому интересны отставники? Однако существовали на этом пути и подводные камни. Моратти, опытный интриган, поднаторевший в бюрократических играх и подковерной борьбе, опасался выходить на поле, на котором Кауфман уже продемонстрировал блестящие способности. Бороться в тайных операциях с гением тайных операций? Полагаться только на Дрогаса?

Трудно решиться. Впрочем, атаковать проще, чем обороняться, а другого выхода, судя по всему, нет.

Стефан не мешал президенту размышлять и лишь после того, как взгляд Ника вновь сфокусировался на нем, спросил:

– Кауфман может выставить свою кандидатуру на пост президента?

– Исключено, – махнул рукой Моратти. – Мертвый прекрасно понимает, что его уважают, но не любят. А верхолазы и вовсе считают солдафоном. Репутация играет против него, так что сам Кауфман на выборы не пойдет. Но обязательно выставит кого-то из своих.

– Кого?

– У него не так много друзей, – протянул Ник. – Скорее всего, это будет Игнасио де ла Крус из Анклава Рио. Но и у него нет шансов.

– Вы с Макферсоном порвете любого, – кивнул Дрогас.

– Именно.

Моратти был слишком хитер, чтобы идти на выборы в лоб, без подспорья. На роль «пристяжного» – заведомо слабого кандидата, нужного для обеспечения «демократичности», «альтернативы» и отбора голосов у настоящих конкурентов, – Ник выбрал Шона Макферсона, директора эдинбургского филиала СБА. Человеком Шон был авторитетным, но не очень известным, к тому же в истории с Фадеевым он тоже замазался, так что придавить его, в случае необходимости, не составит труда. Переговоры с Макферсоном прошли спокойно, Шон согласился поиграть в выборы в обмен на гарантии сохранения должности, так что к конференции Моратти шел во всеоружии.

Если бы не проблема Мертвого.

– От Кауфмана можно ждать любых неприятностей, – проворчал Ник.

– Именно поэтому вопрос нужно решить до конференции. Он знает, что мы готовимся к выборам, и не ждет удара. Он считает, что мы слишком заняты борьбой за власть, а его оставим на потом, так что самое время атаковать.

– Каким образом?

– Для начала неплохо было бы привлечь к проблемам Москвы общественное внимание, – прищурился Дрогас. – Скажем, небольшой бунт. Пусть граждане немножко поубивают друг друга.

– Он разделается с беспорядками в часы.

– Правильно. Но ведь нас интересует не результат, а процесс. Вот уже год в Анклавах относительно тихо. Почему? Потому что директора филиалов послушно исполняют указания из Цюриха. А Мертвый, известный самодур и солдафон, не соответствует эпохе и вообще реликт. Пусть у него случится хотя бы одна драка – мы растрезвоним на весь мир, что знаменитый мясник вновь довел жителей до беспорядков.

– Одной дракой не обойтись, – заметил Ник, постепенно проникаясь замыслом помощника.

– Это я образно.

– Ты уже знаешь, кто пойдет на улицы?

– Я внимательно слежу за московской жизнью.

– И не только следишь?

– Разумеется, не только, – улыбнулся Стефан. – Нарботки есть. Скажу откровенно: каша там заваривается и без меня, но ускорить и усилить ситуацию я в состоянии.

– Езжай, – решил Моратти. – Ускоряй и усиливай.

* * *

Территория: Сити

«Пирамидом»

Нет ничего хуже, чем оборонять крепости

– Он мне не доверяет, – буркнул Мертвый, выключая коммуникатор.

– В его положении это естественно, доктор Кауфман. – Мишенька позволил себе усмешку. – Господин Моратти не доверяет никому и от всех ждет подвоха.

В свое время сотрудники московского СБА дружно недоумевали, почему директор приблизил к себе именно Щеглова, парня не без способностей, но молодого, чуть за тридцать, и не имеющего большого опыта работы. Злые языки болтали, что Мертвый оригинальничает в своем духе: остальные директора тянут вверх личных шоферов, а он личного палача – Мишенька был первоклассным дознавателем и гарантированно раскалывал любого клиента. Однако и месяца не прошло, как разговорчики поутихли: в двух сложнейших делах Щеглов доказал свой профессионализм, а отсутствие опыта компенсировал умом, блестящими аналитическими способностями и феноменальным чутьем. С тех пор никого не удивляло, что в отсутствие Кауфмана филиалом руководил не кто-то из заместителей, а скромный и молодой начальник Управления дознаний.

– В преддверии выборов президенты становятся тревожными. – Квадратные стекла стильных очков блеснули, но спрятавшиеся за ними серые глаза остались безразличными.

– Я имел в виду другое, – буркнул Кауфман. – Моратти прекрасно знает, что московские корпорации не поддержат его на выборах – мы никогда за него не голосовали. Хотя всегда обещали... Но у меня осталось странное ощущение...

– Он нам не верит. – Теперь и Мишенька говорил о другом.

– Да, – кивнул Мертвый. – Моратти укрепился в своих подозрениях.

– Это все Чинча, – подал голос третий человек, присутствующий в кабинете. Грегуар Слоновски, начальник отдела прямых переговоров. – Наверняка он слил Моратти больше информации, чем мы думаем.

– Не согласен, – качнул головой Щеглов. – Чинча начал собственную партию и не сомневался, что сумеет ее сыграть. Топить нас ему было ни к чему.

Основной задачей Эдди Чинчи, заместителя Кауфмана и одновременно начальника службы собственной безопасности, было удержание Мертвого на коротком поводке. Такие люди, назначаемые лично президентом СБА, работают во всех Анклавах, и большинство директоров научились с ними дружить или держать на расстоянии. На какое-то время Кауфман нейтрализовал неудобного зама, однако во время проблем, связанных с похищением Петры Кронцл и взломом внутренней сети легендарным ломщиком Чайкой, Эдди удалось заглянуть в московские дела слишком глубоко, и его пришлось убрать. Что и вызвало справедливые подозрения Моратти.

– О том, что Чинча решил предать Моратти, мы знаем только с его слов, – парировал Грег. – Эдди мог блефовать, чтобы вывести шефа на откровенный разговор.

Слоновски любил решения простые и ясные. Был он оперативником от бога, способным спланировать и провести боевую операцию любой сложности, однако, как с традиционным для себя безразличием выразился однажды Мишенька: «Грегуару не хватает интеллектуальной гибкости». Мертвый позвал Слоновски на совещание только для того, чтобы в очередной раз продемонстрировать полнейшее свое доверие: без таких жестов здоровяк начинал грустить.

– Вряд ли Чинча рассказал Моратти больше, чем мы думаем, – мягко произнес Кауфман. – Но его смерть сказала остальное: Ник понял, что мы враги. И теперь он не остановится, пока не добьет меня.

– То есть, если Моратти победит на выборах, для нас наступят сложные времена?

Мертвый и Мишенька переглянулись.

– Я уверен, Ник постарается ударить до конференции, – произнес Щеглов. – Месяц – это очень много.

– Согласен, – поддержал Мишеньку Кауфман. – Нанести удар именно сейчас, до выборов, это красиво и правильно. И мы должны подумать, куда он будет направлен.

– Он или они? – уточнил Щеглов.

– Опять согласен. Ник не тот человек, чтобы играть по мелочи. Он будет атаковать широким фронтом.

Мертвый взлохматил волосы. Он не любил защищаться, не любил отдавать противнику инициативу. Натиск, напор, игра на опережение – вот основные козыри директора московского филиала СБА. Пока же обстоятельства складывались так, что приходилось вычислять действия противника и по возможности нейтрализовать их.

– Первое, что он сделает, – пришлет в Москву комиссию.

– Нет, – качнул головой Мишенька, – не пришлет. Вы пообещали ему поддержку, доктор Кауфман, и Ник не станет злить вас столь очевидным образом.

– Лишние соглядатаи свяжут нам руки. А задачу им поставят простую: докопаться до наших финансовых нарушений. Найдет хоть что-нибудь – снимет меня мгновенно, на вполне законных основаниях.

Слоновски засопел, но промолчал. Грег не представлял, что московским филиалом СБА может руководить не Мертвый.

– С нашим финансированием они никогда не разберутся, – улыбнулся Мишенька. – И вам это прекрасно известно, доктор Кауфман.

Некоторые подразделения московского СБА тратили гораздо больше средств, чем проходило по отчетам. Например, отдел прямых переговоров, личная гвардия Кауфмана, на девяносто девять процентов финансировался корпорацией «Науком». В противном случае в Цюрихе давно бы задались вопросом: почему подразделение, занимающееся надзором за соблюдением законодательной базы при составлении контрактов и прочих деловых бумаг с поставщиками филиала СБА и относящееся к бухгалтерии, расходует столь грандиозные средства. Само существование отдела с идиотским названием и идиотской задачей подозрений не вызвало, он считался синекурой для родственников и любовниц сильных мира сего. Но Мертвый распахнул шушуру по разным подразделениям, а в бухгалтерии спрятал преданных себе волков. Прикрытием схемы занимались люди, рекомендованные лично Геннадием Старовичем, главным финансистом «Науком», а его спецы в своем деле были не меньшими виртуозами, чем оперативники Кауфмана в своем.

– Но Моратти об этом не знает, – улыбнулся Мертвый. – И может попытаться еще раз продолбить стену.

– Допустим, у нас под ногами начнет путаться комиссия, – вздохнул Щеглов. – Но этого крайне мало.

– Он устроит нам еще какую-нибудь гадость, – подал голос Слоновски. – Например, серьезные беспорядки на территориях.

– Беспорядки случаются и сами по себе.

– Моратти способен их подогреть.

Мертвый прищурился:

– А у нас, насколько я помню, назревают проблемы в Аравии.

– Я докладывал, – кивнул Грег. – Арабы грызутся с Кришной.

– Было бы неплохо взять эмиссаров Моратти. Если они существуют, конечно.

– Пока у меня нет сведений о них, – признал Слоновски. – Но я постараюсь разнюхать.

– А потушить конфликт нельзя? – спросил Мишенька. – Пусть дерутся после выборов.

– Гнойник назревает слишком давно, так что...

– А вот отдел профилактики оценивает уровень напряженности между Аравией и Кришной как критический, но еще не опасный, – припомнил Мертвый.

– Очковтиратели, – уверенно заявил Грег. – Напряженности там достаточно. Сегодня ночью опять была драка между молодняком. Сожгли пару мобильных. Бунт вспыхнет, гарантирую.

– В таком случае готовься, – приказал Кауфман. – Конфликт надо будет погасить максимально быстро и по возможности без лишних жертв.

– Понял.

– Задача номер два: увязать беспорядки с Моратти. Если докажем, что бунт спровоцировали люди президента, поставим ему мат в два хода. – Мертвый перевел взгляд на Мишеньку: – Для тебя тоже есть дело.

– Я слушаю, доктор Кауфман.

Щеглов прекрасно понимал, что старый волк не удержится от ответного удара. Оборона обороной, но глупо ограничивать свои действия лишь защитой крепостных стен.

– У меня есть интересная мысль насчет выборов...

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

Игру мы задумываем сами, а вот игроков, бывает, подкидывает случай

Как и любой здравомыслящий человек, Моратти не доверял малознакомым людям. В делах тонких, опасных доскональное знание возможностей подчиненного значит подчас больше, чем все остальное, вместе взятое. Любой, даже самый замечательный план держится на исполнителях, на людях, на пресловутом человеческом факторе. Ошибешься с назначенцем – останешься у разбитого корыта.

Свою команду Ник собирал с тех самых пор, как поступил на Службу. Удерживал рядом старых, еще со спецшколы и Университета, друзей, привечал новых, молодых и дерзких, вроде Дрогаса, изучал их вдоль и поперек и доверял, насколько это возможно в его положении. Но случалось, приходилось президенту привлекать и варягов. На деле Петры Кронцл, похищенной в Москве внучке Романа Фадеева, команда Моратти сломала зубы. Предпринятые ими усилия не дали результата, девчонка не нашлась, а самое главное, не удалось связать ее исчезновение с Кауфманом, не получилось доказать, что именно директор московского СБА организовал крупнейшую в истории Анклавов аферу, позволившую москвичам из «Науком» взять под контроль влиятельную «Фадеев Групп». Не сумев сразу докопаться до истины, Моратти решил отступить, переждать, полагая, что после того как Кауфман выйдет из игры, все рано или поздно раскроется, а вот китайцы, так же оставшиеся в той истории с носом, не успокоились. Снова лезть в пасть к Мертвому они не желали, зато порекомендовали человека, способного, по их мнению, сделать то, что оказалось не под силу людям Моратти.

– Меня зовут Хасим Банум.

– Ник Моратти.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

Мужчины пожали друг другу руки, и Ник поймал себя на мысли, что впервые чувствует по-настоящему «стальной» захват. Китайцы предупредили, что под черными кожаными перчатками гостя скрываются протезы.

«Почему, интересно, он не трансплантировал себе новые руки?»

– Знакомые из Пекина убедили меня заняться вашей проблемой, – негромко произнес Хасим, присаживаясь в кресло. – Мне нравятся сложные задачи.

Все, кто впервые оказывался в кабинете Ника, считали своим долгом похвалить обстановку. В свое время Моратти не поскупился, привлек к работе лучших дизайнеров, и теперь рабочее помещение, выполненное в стиле неоготического классицизма, появившегося во второй трети двадцать первого века, заслуженно вызывало восхищение посетителей. Урзак хозяину кабинета льстить не собирался.

– Опасные задачи, – уточнил Моратти.

– Тем лучше.

– Вы знаете, что предстоит делать?

– В общих чертах. Знакомые сказали, что есть шанс оказать услугу президенту СБА. Для меня это не менее важно, чем любовь к сложным задачам.

Изначально Урзак планировал действовать в одиночку, однако Ляо убедил его встретиться с Моратти и воспользоваться поддержкой президента. Обдумав предложение, Урзак согласился. К тому же он был не прочь выяснить, что связывает китайца с главой всесильной СБА. Банум понял, что спокойные времена заканчиваются, тихий домик в европейской глуши, в котором он провел последние тридцать лет, придется оставить, и следует посмотреть, кто нынче бегает по сцене.

«Интересно, ты уже продался Ляо с потрохами или еще надеешься сыграть со стариком по своим правилам?»

А Моратти тем временем ощутил давно забытое беспокойство, которое появляется при встрече с более сильным человеком. Не настороженность, а именно беспокойство, потому что подсознательно ты уже понял, что сидящий напротив мужчина сильнее. Во всех смыслах сильнее: и духом, и телом. Ник редко ошибался в людях и понимал, что перед ним глыба. Глыбища!

«Что же ты за птица?»

Ответ на этот вопрос президент СБА не знал. Не было у его людей толковой информации на Хасима Банума. Родился, учился, жил на полученное наследство, пределы Исламского Союза покидал крайне редко. И все. Осталось только добавить искреннее уважение, сквозившее в голосе генерала Ляо, когда он говорил о Бануме, – деталь, ясно показывающая, что собранная о Хасиме информация не стоит и выеденного яйца.

В детстве, в результате несчастного случая, Банум потерял обе кисти и теперь носит под перчатками искусные, выполненные по индивидуальному заказу протезы. Чудо инженерной мысли управлялось с помощью нейроподключений, аналогичных тем, что требовала для своей работы «балалайка», а потому в затылке Хасима сидело значительно больше железа, чем у обычного человека.

«Почему же ты отказался от трансплантатов?»

Тогда же, в детстве, если верить досье, Банум повредил ногу и теперь постоянно ходил с тростью. В настоящий момент старомодная деревянная палка, ручка которой была вырезана в виде змеиной головы, стояла, прислоненная к президентскому столу. Однако, как успел заметить Ник, при ходьбе Хасим не хромал.

– Что именно мне предстоит сделать в Москве?

– Отыскать Петру Кронцл, внуку Романа Фадеева, владельца... бывшего владельца «Фадеев Групп».

– Он умер?

– Да. Покончил с собой... отправившись на поиски Петры.

– Девушка была важна для него?

– Единственная наследница.

– Понятно. – Банум помолчал. – Чем она интересна вам?

– Я уверен, что к ее похищению причастен Мертвый... в смысле директор московского филиала СБА Максимилиан Кауфман. Мне нужны доказательства.

– Понятно. – И вновь пауза. И вновь тяжелый взгляд глаз цвета блеклого льда. – Но почему Петра Кронцл столь важна для вас, господин президент?

– Разве генерал Ляо не ввел вас в курс дела?

– Я бы хотел услышать подробности из ваших уст.

Урзак, ошарашенный рассказом старого китайца и представленными доказательствами существования Чудовища, не уделил этому аспекту дела должного внимания. В Пекине его ум занимали совсем иные вещи, однако теперь он хотел понять все нюансы дела.

– Петра не совсем исчезла, – медленно ответил Ник. – Опекунский совет, который согласно завещанию Романа Фадеева нынче возглавляет президент «Науком» Холодов, уверяет, что девушка жива, а значит, менее чем через три года она станет полноправной владелицей «Фадеев Групп». Ее прячут.

– И вы хотите ее получить?

– Да.

– Зачем?

– «Фадеев Групп» – мощный инструмент в руках москвичей. Подозреваю, что с его помощью они пытаются создать нечто вроде суперкорпорации: объединить в один кулак как можно больше компаний и установить контроль над изрядной долей мировой экономики.

– Что противоречит Положению об Анклавах.

– Верно. Их действия способны вызвать непредсказуемую реакцию государств.

– Но они это тоже понимают, – тонко улыбнулся Урзак. – И тем не менее рискуют. Почему?

– Некоторые люди считают, что москвичам удалось получить новый вид энергии.

– Вот это уже теплее, – едва слышно пробормотал Урзак.

– Однако никаких доказательств нет, – поспешил добавить Моратти.

– Но вы верите?

– Обмануть Романа Фадеева было практически нереально, – поколебавшись, ответил президент. – А он попал в мышеловку. Значит, ему показали настоящий сыр. – И твердо закончил: – Я – верю.

– И Ляо, судя по всему, верит. А это уже много. – Урзак взял трость и несколько мгновений вертел ее в руке. – Скажите, Ник, если подозрения насчет энергии подтвердятся... какие действия вы предпримете?

Вопрос, мягко говоря, выходил за рамки компетенции человека, нанимаемого для поиска пропавшей девушки. Однако Моратти кожей понял, что ответить придется. Не частный детектив сидел перед ним, не умелый сыщик. Игрок. Вот оно, правильное слово.

– Если вас интересует, работаю ли я на китайцев, – хрипло проговорил Ник, – то нет – не работаю. Если же вы спрашиваете, поделюсь ли я с ними информацией об энергии, то да – поделюсь. И с другими государствами поделюсь, ибо в противном случае нас ждет большая война.

– Она ждет нас в любом случае, – негромко заметил Урзак.

Новая энергия. Открытие, способное перевернуть жизнь на планете и дать новый толчок цивилизации. Подходящий проект для Чудовища...

– Не я выпустил джинна из бутылки.

– Тут вы правы. – Банум решительным жестом отставил трость. – Давайте вернемся к девочке. Вы не предполагали, что ее могли вывезти из Москвы? Спрятали в золотой клетке на каком-нибудь острове, исполняют все ее прихоти и отучают думать? Если она не проявит должного уровня знаний, Опекунский совет вправе поставить вопрос об отстранении Петры от непосредственного руководства корпорацией.

– Я знаю Мертвого – он не отпустит девчонку далеко от себя. Не тот человек. Ему удалось меня обмануть, показаться глупее, чем он есть на самом деле, но сущность свою он не переделает. Девчонка где-то рядом с ним, и он постоянно держит ее в поле зрения.

– А если она сидит в подвале «Пирамидома»?

– Если Петра не объявится в день своего совершеннолетия, «Фадеев Групп» будет продана по частям. Москвичам это не нужно. Но и власть они ей вернут только в том случае, если будут уверены в лояльности. Вывод: в течение ближайших трех лет Мертвый сделает все, чтобы заслужить доверие Петры и убедить ее, что он не имеет никакого отношения к смерти Романа Фадеева. – Моратти помолчал. – Я уверен, что Петра растет на свободе. Ее спрятали. Ей дали новое имя, новую биографию, возможно – новое лицо. Но она свободна.

– В таком случае я не понимаю, почему вы, человек, обладающий неограниченными возможностями, не смогли ее отыскать?

А вот отвечать на этот вопрос Нику было немного стыдно. Лысый игрок с железными руками интересовался, почему сдалась лучшая полицейская служба мира.

– Во-первых, мы проводили расследование по горячим следам, сразу после смерти Фадеева, тогда ее могли спрятать, на время вывезти из Анклава. А во-вторых... получилось так, что у нас нет достоверных образцов. Все данные о Петре: отпечатки пальцев, отпечатки сетчатки глаза, образцы ДНК, которые мы раздобыли из разных источников, неидентичны. Такая же ситуация с образцами ДНК Романа Фадеева и родителей Петры. А других родственников у нее нет. Мертвый провел колоссальную работу и сделал все, чтобы мы не смогли найти девушку.

– В таком случае как же они докажут, что Петра это Петра, когда решат представить ее Опекунскому совету?

– Думаю, они предусмотрели доказательства.

Урзак помолчал.

– Но вы уверены, что девушка в Москве?

– Уверен.

Урзак покачал головой.

Порядок, установившийся на Земле после Нефтяного Голода и создания Анклавов, доживал последние дни. Сколько этих дней будет, в какое количество лет они сложатся – неважно, не так уж много в историческом масштабе. И ключевой фигурой в проявляющихся контурах грядущего мироустройства становилась юная девушка, спрятанная в Анклаве Москва. Интересно, весьма интересно... Урзак прищурил глаза и очень жестко произнес:

– Я ее найду.

* * *

Анклава: Москва

Западный сектор МКАД

Сухо и солнечно

Не следует набиваться в друзья к тем, кто этому противится

– Пэт, помедленнее!

– Мы едва плетемся!

– Пэт! Пожалуйста!!

Мотоцикл вильнул вправо, проскочил перед бампером приземистого мобиля, вызвав пронзительный рев клаксона, плюнул выхлопом в тонированное стекло дорогой игрушки и умчался, оставив мобиль далеко позади. Оскорбленный водитель только выругался вслед безбашенному мотоциклисту. Ничего другого не оставалось – модифицированному электромотору, стоящему на вычурном купе, не дано соперничать с двигателем внутреннего сгорания.

А уж догнать «Судзуки Плутон», самый мощный мотоцикл современности, под силу лишь несколькими моделями настоящих спортивных авто.

– Пэт, так нельзя! – завизжала Матильда. Звук в шлеме был снижен до минимума, но голос подруги все равно прозвучал громко – она ОРАЛА. – Ты нас убьешь!

– Ерунда!

– Пэт, я обижусь!

– Не обижайся! Еще чуть-чуть, и все! Обещаю!!

А на спидометре двести десять.

– Патриция! Я тебя ненавижу!

«Трусиха! Почему она такая трусиха?»

Маневрируя на скорости двести по третьему уровню МКАД, думать о посторонних вещах не рекомендуется. Даже если ты опытный гонщик. Даже если «балалайка» подключена к психопроводу мотоцикла. Но Пэт не отказала себе в удовольствии припечатать:

«Матильда – трусливая дура!»

Высокомерно подумала, с осознанием собственного превосходства, едва ли не с презрением.

А тем временем – долгожданный свободный участок. Задних бамперов в левом ряду не наблюдается, и на спидометре уже двести пятьдесят. На такой скорости не страшны даже дорожные безы, контролирующие основные трассы Анклава. Впрочем, они редко гонятся за нарушителями скоростного режима: камеры слежения видят весь МКАД, и если по вине лихача случится авария, отыскать его не составит труда.

– Пэт, я тебя убью!

«Не смей меня, курица!»

– Пэт, ты мерзавка!

«А ты думала, „Плут“ создан для чинных поездок по магазинам?»

Матильда долго сомневалась, прежде чем приняла предложение отправиться домой вместе.

«Мы ведь сразу домой, да?»

«Сначала на МКАД, у меня там дела».

Но какие дела, не сказала. А ей просто захотелось погонять. И не одной, а с Матильдой. Хотя Пэт знала – знала! – что та не любит быстрой езды.

«Захотелось поиздеваться над подругой?»

«Она мне не подруга!»

А кто? Живут в соседних домах, учатся хоть и на разных факультетах Университета, но все равно, считай, вместе. Конечно, Матильда сирота безродная, с теткой живет, но Кирилл Мамашу Дашу уважает и к племяннице ее относится... не как к дочери, но как к своей племяннице – точно. Наверное, потому Пэт и бесилась: ей не нравилось, что Матильду равняют с ней. И с тех самых пор, как Кирилл купил ей мотоцикл, девушка предлагала подруге покататься, но та все время отказывалась...

– Обратите внимание на уровень топлива, – прошепестел в голове мужской голос.

Можно посмотреть на панель «Плут», можно чуть скосить глаза и увидеть проекцию приборов на нанозэкране, а можно просто поинтересоваться:

– Сколько?

– Пятнадцать процентов от максимума.

А максимум был всего два дня назад. Впрочем, чего вы хотели? Движок у «Плут» мощный, форсированный по уникальной технологии «Шаттл», способный разгонять машину до трехсот пятидесяти, зато и бензин мотоцикл жрет, как механическая свинья.

– Ближайшая бензоколонка?

– Два километра прямо.

Пэт хмыкнула и пробормотала:

– Радуйся, Мата, мы останавливаемся.

Бензин «Плутто» требовал самый лучший – «Премиум-4». Подходящих станций по всей Москве не более двух десятков, но девчонкам повезло: одна из них, сети «MosTex Energy», находилась неподалеку. Пэт заехала на площадку синего комплекса, составленного, казалось, из одних сфер, и резко затормозила у колонки.

– Приехали.

– Мерзавка! – Матильда соскочила с седла и сорвала с головы шлем. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам. – Как ты могла?!

– Что могла?

Пэт тоже сняла шлем и посмотрела на подругу.

– Ты же знаешь, что я не люблю...

– Надо бороться с детскими страхами.

Матильда гневно сверкнула глазами, но Пэт спокойно выдержала взгляд подруги.

Девушки не походили одна на другую. Пэт – тоненькая, гибкая, с узким, породистым лицом. Матильда – чуть выше, не полнее, но круглее, женственнее. Пэт – ловкая, спортивная, порывистая, и каждое ее движение буквально излучает переполняющую девушку энергию. Походка и жесты Матильды куда более плавные, спокойные и в то же время – грациозные.

– Какая же ты вредная! – Матильда отвернулась, устремив невидящий взгляд на стоящие неподалеку шары с разъемами для скоростной подзарядки батарей Ллейтона.

Пэт не ответила. Активизировав трансплантированную в подушечку указательного пальца мышь, она вызвала на наноэкран состояние счета, чуть скривила губы – Кирилл был не самым щедрым человеком на свете, – после чего вытащила из кармана куртки бумажник, пересчитала купюры, вздохнула и протянула подруге деньги:

– Мата, стоняй, заплати за бензин. – Подумала и добавила: – Пожалуйста.

– Отстань!

– Что, трудно?

Матильда не ответила.

– Обиделась?

– Отстань!

«Кажется, я переборщила». Пэт решила проявить снисходительность. В конце концов, Матильда не виновата, что во всем уступает ей. А ругаться с... ну, хорошо, хорошо, с подругой! Так вот, ругаться с подругой Пэт не хотела. Поставила на место, и достаточно.

– Обещаю, что дальше мы поедем значительно медленнее, – примирительно проговорила Пэт. – И за скорость извини – я увлеклась.

– Я с тобой не поеду, – ровно произнесла Матильда.

– Неужели?

– На автобусе доберусь до метро...

– Не мели чушь, – поморщилась Пэт. – Я тебя здесь не оставлю.

– А я с тобой не поеду.

– Клянусь, до дома мы доедем очень медленно, я и так сожгла почти все деньги, которые мне выдали на эту неделю.

– Хорошо, что у тебя жадный отец, – мстительно заметила Матильда.

– Он не жадный, – ответила Пэт. И добавила: – Кириллу не нравится, что я быстро катаюсь.

– Никому не нравится!

– Достаточно того, что нравится мне, понятно? Пойдешь платить?

– Пойду, пойду, – проворчала Матильда.

Она сморщила носик, но деньги взяла и неспешно побрела к зданию станции. Карточкой за бензин можно было заплатить прямо у колонки, но наличные приходилось нести в кассу.

Петра же решила трансформировать байк в положение «чоппер». Она положила шлемы рядом с колонкой, запустила нужную программу, отключила от «балалайки» психопривод и отступила на шаг от начавшего изменяться мотоцикла.

«Интересно, сколько времени потребуется этой корове, чтобы добраться до кассы?»

– И пусть наша мертвая СБА пока помалкивает, я, ребята, скажу так: в Аравию и Кришну лучше не соваться. Целее будете. Прошлой ночью там опять дрались, и что будет дальше, никто не ведает. – Саша Чебуреков, «дневная» физиономия MTV, подмигнул слушателям и поинтересовался: – Ну что, музыку посмотрим или еще новостей подкинуть? Десять секунд на размышление.

В правом нижнем углу появились результаты голосования зрителей. Большинство отвергло музыку, и неунывающий ведущий выдал очередную порцию ценных сведений:

– А известно ли вам, уважаемые, что специально для Бала Королевы Осени «Платина» ангажировала мегапопулярную команду «Nana boats symphony»...

Очутившись в здании станции – блестящем цилиндре, соединяющем все уровни МКАД, – Матильда направилась к кассе не сразу.

«Пусть эта задавака подождет!»

Постояв возле экрана, девушка взяла из холодильника бутылочку чистой воды, медленно прошла вдоль полок со сладостями, но так ничего и не выбрав, подошла к кассе:

– Бутылка воды, а на остальные – «Премиум-4».

– Какая колонка?

– Третья.

Кассирша сгребла наличные, но, кинув взгляд на монитор, нахмурилась:

– Надеюсь, проблем не будет?

– Проблем? – не поняла девушка.

– С вашими друзьями.

– С какими друзьями?

Матильда округлила глаза, а затем, сообразив, подняла взгляд на окно и похолодела: Патрицию окружила группа мотоциклистов.

Если верить истории, первые команды байкеров появились на Земле еще в двадцатом веке. «Ангелы Ада» в Штатах, «Ночные Волки» в России – продолжатели дела до сих пор рассказывают легенды о тех группировках. Однако Большой Нефтяной Голод нанес удар в самый корень байк-движения – цена на топливо взлетела на недостижимую для обычного человека высоту, и мощные мотоциклы, еще вчера бывшие королями дорог, встали на прикол. Затем начались смутные времена Нефтяных войн, затем все промышленные мощности были брошены на производство мобилей – с их помощью экономика начала отползать от пропасти. Повсеместно внедрялся электрический транспорт, а люди занимались элементарным выживанием, пытаясь приспособиться к новым реалиям. Долгое время мотоциклы попросту не выпускали, обходились мобиллями и дешевыми «табуретками». Однако, по мере того как цивилизация выходила из коллапса, многие известные фирмы, особенно принадлежащие независимым корпорациям, вернулись к производству мотоциклов, причем не только дешевых, на батареях Ллейтона, но и мощных машин на двигателях внутреннего сгорания – появился спрос.

Байк-движение возродилось. Сначала как времяпрепровождение одиночек, а затем и в том самом виде, о котором рассказывали легенды благословенного двадцатого века. Точнее, с небольшими поправками на изменившиеся реалии.

В Москве появившиеся команды называли вагонами. Почему? Теперь уж и не вспомнит никто, но имя прижилось, и, независимо от территории, никак иначе байкеры себя не называли. В Шанхайчике основным считался вагон «Нефритовых Драконов», в Аравии тон задавали «Бедуины», в Кришне – «Раджи», в Занзибаре – «Черные Звезды»... но это только крутые, а всех не перечислишь. По Болоту каталось три вагона, представители одного из них, носящего гордое имя «Warriors of The Swamp», в просторечии – свамперы, как раз и окружили Пэт.

– Неожиданная встреча, да?

– Не сомневалась, что мы увидимся, – в тон ответила Пэт. – Москва маленькая.

Карбид, лидер вагона, хмыкнул:

– Опять одна?

– Как видишь.

– А на мое предупреждение – плевать?

– Ты ведь предупреждал, а не приказывал.

Среди десятка свамперов, подкативших на станцию вместе с жожаком, прошелестел нехороший гул. И парни, и сидящие за их спинами боевые подруги смотрели на нахалку... без агрессии пока, но весьма неодобрительно. Спокойным, даже безразличным, остался лишь один из них – Рустам, второй человек в иерархии вагона.

– А если бы я тебе приказал? – осведомился Карбид.

– Вот тогда бы мне было плевать, – с хорошо сыгранным спокойствием ответила Пэт. И невинно поинтересовалась: – Но ведь ты не приказывал, так?

Свамперы вновь заворчали, но прицепиться Карбиду было не к чему: девчонка его никак не оскорбила. Вела себя дерзко, но границу не переходила.

– Язык у тебя длинный.

– Какой есть.

Откровенно говоря, Карбид и сам был не рад, что докопался до Пэт в их первую встречу. Девчонка оказалась не из простых: катается на «Судзуки Плутон», одевается в безумно дорогую натуральную кожу, а не практичную и дешевую синтетику, да и ведет себя, словно королева. У самого Карбида тоже настоящий байк – «Ямаха Гепард», такой же был у Руса, но им далеко до машины, в маркировке которой присутствовали буквы «S» (двигатель форсирован по уникальной технологии «Шаттл») и «Т» («трансформер»), – игрушки для верхолазов и каперов высокого полета. Как раз сейчас алая машина завершала трансформацию, превращаясь из спортивного байка, на котором водитель и пассажир едва не лежали на животе, лицом вперед, в изящный «чоппер» с классически изогнутым рулем и комфортной вертикальной посадкой, позволяющей чуть откинуться назад.

Впрочем, не только Карбид обратил на это внимание: все свамперы с завистью следили за происходящими с «Плутон» изменениями.

– Классная машина, – вздохнул кто-то.

– Мне тоже нравится, – высокомерно бросила Пэт.

Уточнять, что один «Судзуки Плутон 9TS» стоил примерно столько же, сколько весь парк вагона, не требовалось.

Такие машины можно было встретить на корпоративных территориях: в Сити, Царском Селе, но Пэт жила на Болоте, и наличие у нее супердорогого байка вызывало понятное удивление. В какой-то момент Карбид подумал, что по недосмотру наехал на дочку или внучку главаря какой-нибудь канторы, и ждал недружелюбных гостей на предмет разобраться. Байкер не трусил, но перспектива вражды с бандитами Карбида не прельщала. Потом он узнал, что Пэт – Патриция – единственная дочь Кирилла Грязнова, совладельца известнейшего в Анклавах антикварного дома «Шельман, Шельман и Грязнов». С одной стороны, стало легче, купец – это вам не бандит, но при этом Карбид узнал, что ни одной из болотных кантор Грязнов дань

не платит. Что хочешь, то и думай. В общем, по всему выходило, что Пэт лучше оставить в покое. Но отступить Карбид не мог, чтобы не потерять лицо перед своими: свамперы, несмотря на громкое название, были вагоном молодым, Карбид только приступал к созданию мощного клана и трепетно относился к моральному климату внутри команды. А потому решил воззвать к разуму проклятой нахалки и уговорить ее присоединиться к вагону. Или хотя бы признать его авторитет.

– Пэт, в Анклаве не катаются поодиночке.

– Запрещено?

– Не рекомендуется. Москва разбита на сектора, и каждую дорогу держит определенный вагон.

– МКАД свободен.

– Тебе так кажется.

– Мне не кажется. Вагоны договорились об этом много лет назад. И транзит по любой радиальной трассе не возбраняется, иначе бы вы так и сидели на Болоте...

– Кстати, Сретенка находится на нашей территории, – счел нужным уточнить Карбид.

– Рада за вас.

Вот что с ней делать? Вроде и не хамит, а посылает вполне откровенно. И в глубине карих глаз пляшут веселые огоньки. К счастью, видны они только собеседнику.

– Одиночки в Анклаве не выживают.

– Я попробую.

– Даже детишки верхолазов сбиваются в вагоны.

– На то они и детишки.

Рус хмыкнул. Карбид бросил на помощника быстрый взгляд, но тут же вернулся к девушке:

– Мы, свамперы, людей уважаем. Окажись на моем месте бедуины, твой байк уже бы горел, а тебя...

– Ты мне угрожаешь?

– Патриция, я пытаюсь донести до тебя простую мысль: чтобы жить в Анклаве, нужно иметь сильных и надежных друзей.

Карбид любил произносить эту фразу. После многочисленных репетиций он довел качество высказывания до совершенства, слова в его исполнении звучали весомо, производя на слушателей неизгладимое впечатление. Впрочем, с действительно серьезными слушателями Карбид еще не сталкивался и теперь убедился, что подачу реплики надо шлифовать и шлифовать: Пэт осталась равнодушной.

Более того, она отвернулась от Карбида и велела подошедшей подруге:

– Матильда, заправь бак.

Та, сообразив, что следует подчиниться, молча вставила пистолет в горловину и надавила на рычаг. Девчонка, сидящая за спиной Рустама, громко прокомментировала:

– Зачем им мужики? У них и так все хорошо.

Чем вызвала смешки и улыбки приятелей, но Карбиду – Пэт прочитала это в его глазах – высказывание девицы не понравилось.

«У тебя есть планы?»

Впервые она подумала о том, что поведение жоака байкеров может иметь несколько объяснений. Пэт знала, что нравится мужчинам, и умела пользоваться своими козырями.

Тем временем Матильда заправила мотоцикл и надела шлем.

– Нам пора, – мило улыбнулась Пэт. – Пока.

– Увидимся, – глухо пробурчал Карбид. – И помни: в следующий раз тебе придется дать окончательный ответ. – И совсем тихо, для себя, добавил: – Ты вышла на улицу, метелка, а здесь неважно, кто твой папаша.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Иногда приходится не обращать внимания на предчувствия

Район Сретенки не подвергся столь значительной перестройке, как остальные территории Москвы. Здесь не появились дополнительные уровни мостовых, бросающие на старые камни вечную тень, не выросли долговязые и безликие бетонные коробки, и уличная реклама не мозолила глаза с привычной наглостью и напором. Можно сказать, что Сретенке удалось сохранить дух Старого города. На ней расположилось множество лавок, в которых продавали штучный, уникальный товар, сделанный человеческими руками: здесь находились мастерские чеканщиков и резчиков по дереву, настоящих художников и гончаров. А рядом, через дорогу, машинисты продавали программы для «балалаек» и самое современное железо для «раллеров», модифицировали коммуникаторы и предлагали ворованные базы данных. Лавки знахарей и травников соседствовали с приемными дипломированных врачей и первоклассных пластиков. Прошлое и настоящее причудливо сплелись на Сретенке, порождая странное будущее. Место это отличалось от всех остальных улиц Анклава Москва, выделялось из их ряда, и ничего удивительного не было в том, что именно на Сретенке расположился московский офис антикварной компании «Шельман, Шельман и Грязнов».

В слабо освещенном кабинете, обставленном резной, красного дерева мебелью, находились двое. Мужчина, по-хозяйски развалившийся в «вольтеровском» кресле, и полная женщина на стуле. Наряд посетительницы не был дорогим, но благодаря смешению ярких красок, крупной бижутерии и дивной шляпке-тюбану с перьями и ниткой фальшивого жемчуга привлекал внимание. Женщина могла претендовать на роль королевы клоунов, однако на ее лице не было и следа веселости, даже наигранной.

– Ты выглядишь усталой, – негромко произнес Кирилл, поигрывая четками черного жемчуга с брелоком, выполненным в виде драконьей головы.

– Мне снятся плохие сны, – в тон ответила Мамаша Даша.

– О будущем?

– Плохие.

– Это я понял.

– Нет, не понял! – Гадалка перегнулась через стол: – Плохие, Кирилл, ПЛОХИЕ сны!

Грязнов неопределенно махнул рукой и отвернулся.

Кирилл не походил на владельца преуспевающей торговой компании. Высокий, за метр восемьдесят, широкий в кости, с круглым добродушным лицом, он напоминал скорее крестьянина, каким его рисуют оформители детских сказок, чем крупного бизнесмена. И одежду Кирилл предпочитал соответствующую: простые льняные или хлопковые рубашки, свободные брюки, кожаная обувь... Правда, в современном мире подобная простота стоила колоссальных денег, но Грязнов мог позволить себе маленькую прихоть. И не одну. Внешне Кирилл привлекал внимание не столь явно, как Мамаша Даша, но и в его облике хватало занятных деталей. Светлые волосы коротки, стрижены ежиком, но на затылке – пятнадцатисантиметровая косичка с туго вплетенной черной веревочкой. В левом ухе – золотая сережка, покрытая едва заметной вязью. А на тыльных сторонах ладоней вытатуированы черные символические круги, в центре которых помещались руны.

– Ты же знаешь, я не боюсь...

- Нам трудно помешать, – перебил ее Грязнов.
- Но возможно.
- Люди, которые стоят на нашем пути, неспособны вызвать у тебя дурные сны.
- Значит, появился кто-то еще.
- Я не жду плохих гостей.
- Но ведь сны пришли.

На это заявление Кирилл ответа не нашел. Вновь замолчал. Поднес правую руку почти к самым глазам и принялся внимательно изучать драконью голову. Наконец, не поднимая глаз, спросил:

- Не хочешь уехать из Анклава?
- Оставить тебя одного?
- Если твои подозрения небеспочвенны, нам придется тяжело. Не время геройствовать.
- Как раз наоборот, – покачала головой Мамаша Даша. – Самое время. – Вздохнула и улыбнулась: – Ляо видел Олово. Он не дурак. Он все понял. И он будет искать всех нас. Чтобы убить...

Слова не прозвучали, но собеседники прекрасно знали, для чего преследователи стремятся выйти на их след.

Приговоренный мужчина посмотрел в глаза приговоренной женщине, подался вперед и взял ее за руку.

- Спасибо.
- У нас есть ради чего жить, – прошептала Мамаша Даша. – Благодаря тебе.
- Нет, благодаря чуду. – Кирилл чуть сдавил руку женщины. – Но в следующий раз они не ошибутся.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Федеральный Центр

Комплекс «Лубянка»

Хорошо, если ты готов к грозе, еще лучше, если она пройдет стороной

В каждом Анклаве мира существовали территории, неподконтрольные СБА и корпорациям, дипломатические зоны, внутри которых размещались представительства правительственных структур и государственных компаний. Согласно Положению, вся власть в этих районах принадлежала странам, на чьей территории располагался Анклав.

Особого смысла в наличии подобных зон никто не находил, однако правительствам было приятно сознавать, что их влияние распространяется даже на внутренние районы Анклавов, и отказываться от возможности лишний раз продемонстрировать корпорациям свою власть они не собирались. В Москве, единственном Анклаве на территории России, правительство владело так называемым Федеральным Центром, включающим в себя Кремль, Старую и Новую площади, Лубянку, Манеж, Пречистенку и Остоженку. Здесь размещались резиденция губернатора федерального округа Московия, официальные представительства России и других государств в Анклаве Москва. Порядок в Центре поддерживала отдельная бригада ОКР, в состав которой в том числе входил усиленный взвод спецназа под командованием капитана Эмиры Го.

– Сегодня днем Николай Пахомов, представитель СБА по связям с общественностью, заявил, что Служба временно не рекомендует посещать районы на границе Аравии и Кришны. В зону риска входят Севастопольский проспект, Загородное шоссе и Черемушкинская улица. Тем не менее вводить в этих районах даже ограниченный комендантский час...

– Встать! Смирно!

Солдаты, повинаясь приказу дневального, подскочили с кресел, и в сутолоке кто-то торопливо вдавил в пепельницу сигарету.

– Вольно, – буркнула Эмира. – Продолжайте.

Судя по тонкому запаху, в сигаретку завернули не обычный табак, но Го уже давно прекратила попытки отучить своих бойцов от «травки». На этот раз курил Димка Шифер – глаза не спрячешь, но увлечение пока не мешало ему оставаться классным снайпером. Пока. И поэтому Эмира – пока – сделала вид, что не почувствовала пьянящий аромат.

И посмотрела на экран, на котором появилась схема опасных зон.

– Далеко, – едва слышно пробормотала Фатима Тураева, заместитель Эмиры. – Даже если полыхнет, нас прикроет Болото, просто так через него не пройдут. Да и река... Мосты закроем...

Капитан Го промолчала.

Форма лица, густые черные волосы, большие черные глаза, а особенно почти сросшиеся брови делали Эмиру похожей на женщин Кавказа. В Урусе ее частенько принимали за свою, но напрасно: выходцы из кланов не могли рассчитывать на карьеру в ОКР. Эмира была полукровкой, безропотная русская служанка так и не рассказала дочери, кто из хозяйской семьи стал ее отцом. Чужая для всех. Несмываемая печать парии должна была обречь девушку на печальную участь рабыни, поставить на самую нижнюю ступень российского общества или... наоборот – поднять. Вербовщики ОКР специально выискивали детей без будущего, озлобленных и никому не верящих, тренировали и превращали в верных слуг. Эмира стала «чернобуркой» – офицером элитной спецслужбы России, стоящей на страже интересов Президента. Благодаря тщательному отбору сотрудников и жесточайшей внутренней дисциплине ОКР оставалась единственной российской организацией, в которой землячества и семейные кланы не играли никакой роли.

– Ты права, Фатима, – после короткого раздумья кивнула Эмира. – Им до нас не добраться.

– А если Болото полыхнет? – несмело спросил Муса, один из самых молодых бойцов взвода.

– Болото полностью соответствует своему названию – на нем тихо, – усмехнулась Фатима. – Бунтуют окраины. Но прорваться в центр им не позволяют.

– Как правило, не позволяют, – уточнила Эмира.

– Согласна. Иногда СБА ошибается.

Они имели в виду знаменитую Февральскую Неделю, кровавую семидневку, случившуюся девять лет назад. И Эмира, и Фатима в те годы служили вдали от Москвы, но им рассказали, как полыхнули одновременно Урус, Занзибар и Кришна, как бегали по центру Анклава толпы погромщиков, как не справлялись безы, и окаэровцам пришлось сутки сдерживать натиск в одиночку. К счастью, бригада комплектовалась умелыми солдатами, с обязательным опытом ведения уличных боев, так что Федеральный Центр удержался. Тридцать шесть погибших, сто восемьдесят раненых. Для той недели – очень неплохой результат. На полыхнувших территориях счет убитых шел на тысячи: наводя порядок, Мертвый не церемонился.

– Карнавал приближается, – проворчал Шифер. – Безы не позволят сорвать Бал Королевы Осени.

Дельное замечание.

Тем временем блок новостей закончился, Эмира жестом приказала выключить коммуникатор и негромко произнесла:

– Я только что с совещания. В течение получаса генерал Кравцов издаст приказ по бригаде, а вкратце ситуация такая: усиление и уж тем более военное положение пока не объявляем, но увольнительные запрещены. Покидать казармы только с моего разрешения.

– Так полыхнет или нет? – спросил Муса.
Судя по всему, он с кем-то поспорил и теперь нервничал.
– Бунты в Анклавах обычное дело, – пожала плечами Го. – Слишком много недовольных.
– Просто – слишком много, – тихо добавила Фатима. И, перехватив удивленный взгляд Эмиры, пояснила: – Людей слишком много.

* * *

Анклав: Цюрих
Территория: Альпийская Поляна
«Замок Ван Глоссинга»
Умный идет до конца

Главное в любом деле – определиться со стратегией. Понять, что тебе действительно нужно и как далеко ты готов зайти ради достижения цели. А когда ключевое решение принято, когда раздумья остались позади, когда ты занят тактикой, реализацией идеи, ты начинаешь смотреть на мир по-другому. Руководствуясь поставленной целью, ты совершаешь поступки, которые когда-то казались тебе рискованными, опасными или просто неправильными, – ведь теперь они не вырваны из контекста, а занимают свое законное место в последовательной цепочке действий.

Твоих действий.

Тебе нужен результат.

В ходе разговора с Дрогасом Моратти окончательно убедил себя в том, что Кауфмана необходимо вывести из игры. Любым способом, любыми средствами. И применять эти самые средства нужно не последовательно, а параллельно – какое-нибудь да сработает.

Комиссия, которая свалится на голову Мертвому через пару дней, – затея лично президента, признанного мастера подковерных интриг. Отобранные им люди вряд ли добьются главной цели – не соберут весомый компромат на Кауфмана, но нервы ему попортят и руки хоть чуть-чуть свяжут. Комиссия – вспомогательный удар.

Тайная операция Дрогаса уже серьезнее. Беспорядки в Анклавах не редкость, однако по настоящему кровавых бунтов не было давно. Если Стефан сумеет устроить заварушку хотя бы на два-три дня, можно будет ставить вопрос о профессиональных качествах Мертвого. Если же Кауфман оперативно пресечет беспорядки, придется раздувать скандал с помощью журналистов. Вариант, конечно, не лучший, но при определенном развитии событий способный стать выигрышным: именно так, раздув до немыслимых масштабов заурядную потасовку между китайцами и арабами, Моратти удалось снять норовистого директора СБА Сингапура.

Однако и этот вариант не гарантировал успеха.

Об интересном пути напомнили китайцы – поиск Петры Кронцл. Если отыскать девчонку, и не просто отыскать, а увязать ее исчезновение с Кауфманом, случится настоящая виктория. При благоприятном стечении обстоятельств Мертвый даже отставкой не отделается. Африка, Африка! – вот куда следует упечь проклятого коротышку. Но и здесь было не все гладко. Во-первых, в свое время девчонку не смогли отыскать лучшие сыщики СБА – следы Кауфман замел великолепно; во-вторых, даже отыскав Петру, надо еще доказать, что к ее исчезновению причастен Мертвый; а в-третьих, фигура исполнителя вызывала у Моратти подозрения. Слишком уж загадочным человеком показался президенту Хасим Банум.

Впрочем, решение, которое Ник принял после ухода странного калеки, могло перевесить все минусы спланированных операций и навсегда решить проблему Кауфмана. Решение это было нехарактерным для интригана и карьериста, но вполне в духе человека, вытащившего

из иркутской мясорубки сотни людей. Вполне в духе настоящего бойца, казалось, навсегда похороненного под лощеным китем штабной крысы.

А боец рассуждал просто: пока Кауфман жив, он представляет угрозу. Африка, будем откровенны, ему вряд ли грозит, отставка... Московские корпорации приложат все усилия, чтобы посадить на место Максимилиана послушную марионетку, а если придет верный Цюриху варяг, то сколько времени ему потребуется, чтобы взять ситуацию под контроль? Да и сможет ли? Осведомители докладывали, что авторитет Мертвого в московской СБА едва ли не божественный. Никто из руководителей Службы не имеет такого уровня доверия среди подчиненных, как Кауфман. Против варяга выступит до девяноста процентов личного состава, включая высших офицеров филиала. Начнется скрытый саботаж, а то и прямые акты устранения чужаков: на что уж значимый пост занимал Чинча, а убрали его, глазом не моргнув. И люди, которые его пристрелили, до сих пор служат в СБА и прекрасно понимают, что с ними будет, если Мертвый потеряет власть. Попробуй удержись в такой ситуации. Если же филиал возглавит верный наследник, Кауфман сохранит все рычаги влияния.

Вот и получается, что решить проблему можно только одним способом.

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Maerchenstadt

Сделки с дьяволом интересны тем, что не всегда понятно, с какой он стороны – дьявол

С точки зрения безопасности Цюрих выгодно отличался от остальных Анклавов. И не только потому, что в нем располагалась штаб-квартира всемогущей СБА. Исторически сложилось так, что большую часть Цюриха занимали корпоративные территории, жители которых имели значительный численный перевес над остальными обитателями самого маленького на Земле Анклава. В Цюрихе, и только в нем, СБА контролировала сто процентов территорий, насаждая удобные каперам правила. Швейцария вообще считалась самой безопасной провинцией Баварского султаната, и Цюрих, плоть от плоти ее, полностью перенял дух чинного горного захолустья. И даже Maerchenstadt, швейцарский аналог знаменитого московского Болота, казался районом тихим и буржуазным.

За тишину Цюрих любили все: и каперы, и предприниматели, и простые работяги. И те, кому мешали даже мягкие законы Анклавов. Зарабатывать деньги теневые дельцы предпочитали в других местах, а в Швейцарию приезжали, чтобы провести совещание, обсудить дальнейшие планы, легализовать капиталы с помощью традиционно дружелюбных финансовых структур альпийской провинции или просто отсидеться, насладиться покоем. Люди определенных профессий весьма ценят возможность пожить в безопасности, а в Цюрихе количество убийств, не только заказных, но и вообще – любых, было самым низким во всем цивилизованном мире.

Безмятежный уголок, радушно встречающий бизнесменов любого профиля.

И мало кого волновало, что именно обсуждали пятеро предпринимателей, собравшихся в одном из частных домов Maerchenstadt.

– Господа, на мой взгляд, вложение чересчур велико. Сто миллионов евродинов сейчас и первая прибыль лишь через полгода – это крайне рискованный проект.

– Зато мы получим бесперебойный источник комплектующих.

– Если получим, – уточнил скептик. – У нас слишком много недоброжелателей.

– Вы предлагаете прекратить нашу деятельность? – учтиво осведомился собеседник.

Присутствующие, включая скептика, вежливо посмеялись над шуткой.

Деятельность никто из них сворачивать не собирался независимо от количества недоброжелателей – слишком большую прибыль она приносила.

Всемирная Ассоциация Поставщиков Биоресурсов являлась самым крупным игроком на рынке живого товара: нелегальная иммиграция, торговля натуральными донорскими органами – клонированные считались недостаточно качественными, к тому же были запрещены в некоторых странах, – поставки рабов и похищения с целью выкупа. Ее эмблему – улыбающийся глобус – знали все, а верхолазам она снилась в самых страшных кошмарах.

– Ну что ж, давайте скажем так: проект недостаточно проработан, но перспективы есть, – рассудительно произнес один из собравшихся. – Пусть менеджеры еще раз утрясут детали, и через три дня мы вернемся к его рассмотрению.

Предложение устроило всех.

– Но прежде чем мы расстанемся, я бы хотел затронуть одну неприятную тему. Поговорить о московской неудаче и гибели уважаемого Посредника.

Тема действительно была неприятной – собравшиеся помрачнели.

Ассоциация, несмотря на приложенные усилия, до сих пор не выяснила, почему провалился тщательно разработанный план похищения Петры Кронцл и кто стоял за убийством регионального менеджера.

– Мы до сих пор не наказали виновных.

– Мы до сих пор их не знаем, – пробурчал посерьезневший весельчак.

– Это показатель, – холодно улыбнулся рассудительный.

– В первую очередь это показатель того, что искать виновных опасно, – произнес скептик.

– Что вы имеете в виду?

Лидеры Ассоциации давно не поднимали на совещаниях этот вопрос, и теперь рассудительный желал выяснить, какие мысли бродят в головах коллег.

– Посредник был прекрасным менеджером, умелым и осторожным. Его прикрывали не только ум и опыт, не только наши солдаты, но и страх, который мы внушаем всему миру. Все знают, что людей Ассоциации трогать нельзя. Но его убили, значит, мы имеем дело с очень серьезным противником.

– Или с очень самонадеянным. – Весельчак покачал головой.

– Смерть Посредника – это пятно на всю организацию.

– Мы до сих пор не выяснили, кто в ней виноват, – повторил скептик. – Все молчат, все боятся. С такими же трудностями сталкивается СБА при расследовании наших дел. Так что косвенные признаки указывают на мою правоту.

– А если мы доподлинно узнаем, кто сыграл против нас? – неожиданно спросил рассудительный.

– Каким образом?

– Есть человек, который тоже проводил расследование. У него имеются кое-какие мысли, которыми он готов поделиться. – Рассудительный помолчал. – Сейчас он ожидает в соседней комнате. Приглашать?

Присутствующие переглянулись и после короткой паузы закивали головами:

– Пусть входит.

– У нашего гостя профессиональная память на лица, не забудьте надеть наномаски.

Моратти сопровождали трое наиболее доверенных телохранителей, но в дом их не пустили, велели ждать шефа на улице, в неприметном мобиле. «Балалайку» пришлось вытаскивать – случись что, даже сигнал о помощи не подать, но Ник знал, на что шел. Ему нужна эта встреча, и он готов рисковать. А чего в этой жизни можно добиться без риска? Миски благотворительного супа?

В комнате, в которую его провели, находились пятеро. Четверо мужчин. Одна женщина. На всех безликие наномаски.

«Боятся...»

– Добрый вечер. – Моратти присел в кресло и уверенно улыбнулся. – Вы знаете, кто я, я знаю, кто вы. Не по именам, не беспокойтесь. Поэтому предлагаю обойтись без долгих вступлений. Поговорим о вашем московском провале.

– Мы слушаем.

Голос прозвучал почти естественно. Почти. Обладавший тонким слухом Ник понял, что как минимум один из лидеров Ассоциации нацепил изменитель голоса.

«Боятся!»

– Вы спланировали прекрасную операцию, господа, но вы поторопились. Или опоздали. Как вам будет угодно. В то самое время, которое вы выбрали для похищения, шла война за «Фадеев Групп». На самом верху планировали завладеть корпорацией, и, чтобы надавить на Романа, было принято решение взять Петру. Вы вмешались в крупную игру.

– Верхолазы планировали похищение?

– Да.

– Верится с трудом.

– Я не гуру и не уличный проповедник, – уверенно отрезал Ник. – Вопросы веры меня не касаются. Проанализируйте, подумайте, и вы поймете, что я прав. Кто еще, кроме СБА, не побоялся бы выступить против вас?

– Вы играли против нас? – уточнила женщина.

– Тогда что я здесь делаю?

– Людям свойственно совершать необдуманные поступки.

– Против вас сыграли те, кто в настоящее время контролирует «Фадеев Групп». Московские верхолазы. Они получили все, что хотели, а надавить на Железного Рома можно было только через Петру. – Моратти оглядел маски. – Непосредственно операцией руководил Мертвый. Он отдал приказ на устранение Посредника.

– В таком случае почему вы его не прижали?

– Нет никаких улик, – не стал скрывать президент.

– То есть вы поделились с нами своими фантазиями?

– Результатами работы аналитического отдела, – отрубил Ник. – А данных для работы у моих людей гораздо больше, чем вы можете себе представить.

– Господин президент не тот человек, чтобы приходить к нам без веских оснований, – успокаивающим тоном произнес один из лидеров Ассоциации. – Господин президент хочет договориться. О чем?

– Мертвый стал опасен для СБА, – просто сказал Моратти, – и я хочу, чтобы он стал мертвым.

Слово вылетело, и обратного пути нет. Но Ник оставался тверд и спокоен.

На некоторое время в комнате повисла тишина. Спрятавшиеся за наномасками лидеры Ассоциации думали. Прикидывали. Просчитывали.

Существовала небольшая вероятность провокации, вероятность того, что Моратти решил одним ударом избавиться от двух противников сразу: устранить ненавистного Кауфмана и получить повод для широкомасштабной охоты на Ассоциацию. Преследование работоторговцев со стороны Службы оживлялось после каждого удачного похищения, но наглое убийство высшего офицера СБА могло иметь самые непредсказуемые последствия, в том числе невиданное расширение прав Службы и многократное усиление ее, и без того не маленького, влияния.

Эти рассуждения лежали на одной чаше весов. А на другой находился Моратти, который прекрасно понимал, что провокатора не простят. Сами в крови захлебнутся, но до него дотянутся. Готов ли Ник пойти на такую жертву?

– Я бы не хотела воевать с СБА, – произнесла женщина.
– Как я уже говорил – смерть Мертвого станет услугой СБА.
– Услугой лично вам.
– Я – президент СБА. – Ник усмехнулся. – И расследование будут проводить мои люди.
– Расследование будет проводить московский филиал.
– Сразу после смерти Мертвого его сотрудникам придется писать много докладов и служебных записок. Их будет ждать масса встреч с проверяющими из Цюриха. Я выкорчую из СБА всех птенцов Кауфмана.

– А на кого мы повесим преступление?

– Пусть это будут высококлассные исполнители, которые затем навсегда исчезнут, или мои ребята ликвидируют их при задержании, – предложил Моратти. – Люди будут знать, что их нанял кто-то серьезный, но кто именно – пусть гадают.

Теоретически президент СБА мог сам организовать убийство непокорного директора, но всегда существует вероятность провала, пусть даже мизерная, и сотрудничество с Ассоциацией должно было обезопасить Моратти от этой вероятности. Вскроются детали преступления – виновной окажется Ассоциация. И даже мотивов придумывать не надо – у нее зуб на всех директоров СБА. Причем в этом случае работоторговцы не смогут предъявить Нику претензии – ответственность за проведение операции ложится на них.

– Ваше предложение понятно, – кивнула женщина. – Теперь хотелось бы знать, что получим мы. Помимо морального удовлетворения, естественно.

– Мы договоримся, – пообещал Моратти. – К примеру, я знаю, что СБА Рио сильно мешает вашим делам с лидерами Католического Вуду...

– Давайте отложим этот вопрос до принятия нами решения, – произнес пугливый работородец. Тот, с изменителем голоса во рту. – Предложение заманчивое, но требует обсуждения.

– Обсуждайте. – Ник поднялся на ноги. – Но времени у вас не так уж много. Операция должна быть проведена в указанные мною сроки. В противном случае сделка отменяется.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Кришна

Около часа ночи

Время неприятных сюрпризов

Как правило, границы территорий внутри Анклава выверялись очень тщательно. Долгие переговоры между уважаемыми людьми соседствующих общин заканчивались проведением четких линий, закрепленных на официальной бумаге, которую визировали представители СБА. Все понимали, что в условиях перенаселенного мегаполиса ценен каждый метр, и все хотели пресечь возможные претензии. Или делали вид, что хотят пресечь.

Несмотря на столь титанические усилия, спорные участки оставались. Не покушались горячие головы разве что на корпоративные районы и на владения Мутабор: первые защищала СБА, вторые имели устойчивую репутацию психов, с которыми лучше не связываться. Между всеми остальными общинами нет-нет да и вспыхивали локальные конфликты. Наблюдатели, прекрасно изучившие характер Мертвого, долгое время не могли понять, почему он не решит проблему раз и навсегда. В духе Кауфмана было бы сровнять спорные участки с землей, после чего честно поделить получившийся пустырь пополам. Но он ничего не предпринимал. Не вмешивался. Наблюдатели сочли, что директор СБА внял советам демократических и правозащитных организаций и старается избегать силовых решений, а тот в свою очередь, получив

информацию, что в той или иной общине наплодилось слишком много опасного и непредсказуемого молодняка, запускать на территорию провокаторов, которые напоминали горячим головам о старых обидах. Вспыхивал небольшой бунт, локализуя который головорезы Кауфмана уменьшали количество беспокойных граждан до безопасного уровня.

Мертвый хорошо усвоил уроки Февральской Недели.

Однако очень скоро умные люди усвоили уроки самого Мертвого и стали использовать тактику Кауфмана в своих интересах.

– Не ждали, собаки?

Бутылка с зажигательной смесью полетела в витрину небольшого магазинчика.

– Получите!

Последовало еще несколько снарядов, и лавка занялась. Группа подростков встретила языки пламени одобрительными воплями.

– Мы вам покажем, суки, где границы Аравии!

– Гаси кришнов!

– Кашмир! Кашмир!!

Последнее слово было признанным девизом при нападении на индусскую территорию. Разногласия между Индией и Омарским эмиратом были давным-давно разрешены, однако вычеркнуть многолетнее противостояние из народной памяти оказалось непростым делом.

– Кашмир!

Название далекого штата, написанное черной краской на стенах домов, показывало обитателям Кришны, что приближается новая война.

Разбилась еще одна витрина, потом еще одна. Запылали мобили, неосмотрительно оставленные владельцами ночевать на улице. Прозвучали первые выстрелы: жители окрестных домов открыли огонь из окон.

– Огрызаетесь?! – Вожак расхохотался и продемонстрировал неприличный жест. – Вот вам, уроды!!

Однако, несмотря на картинную демонстрацию, нападавшие стали вести себя осторожнее: на открытые и освещенные участки не выбегали, старались держаться в тени и очень скоро, опередив подоспевших мстителей на какие-то минуты, отступили, растворившись на улицах Аравии.

Люди, спланировавшие вылазку, не желали доводить ее до серьезного столкновения.

Глава 2

Люди на Земле

Читающая Время

Главный зал спиритического салона выглядел именно так, как рассказывали побывавшие в нем люди. Стены большой, почти квадратной комнаты задрапированы багровыми портьерами, за некоторыми из которых прятались двери в другие помещения. Полумрак. Несмотря на то что в эту часть Парижа давно провели электричество, хозяйка пренебрегла и лампочками, и газовыми рожками – зал освещался свечами. Потолок высокий, теряется во мраке, пол темного дерева. Мебели мало, практически нет, лишь большой круглый стол в центре и два стула. На черной скатерти резко выделялся хрустальный шар на бронзовой подставке.

– Месье Паскаль?

Она произнесла имя сильным, глубоким голосом. Приятным.

– Да.

– Я ждала вас позже.

– Извините.

– Не стоит.

Хозяйка тоже соответствовала описанию. Невысокая полная женщина. Лицо немного грубовато, черты чуть резче, чем следовало бы, зато глаза – большие, красивые. Умные. Закрытое темное платье, подол касается пола. На голове – маленькая шляпка, не очень-то гармонирующая с одеждой.

«Для чего она ее напялила?»

– Я признателен вам, мадам Усоцкая, за то, что вы согласились уделить мне время.

– Полноте, месье Паскаль, вас рекомендовали мои хорошие друзья. Этого достаточно. – Медиум опустила на стул и жестом предложила гостю последовать ее примеру. – Мне сказали, вы в отчаянии.

– Близок.

Паскаль принял довольно свободную позу: чуть боком к мадам Усоцкой, одна рука на спинке стула, другая лежит на бедре, стол мешает медиуму увидеть кисть.

– Постараюсь помочь, – с располагающей улыбкой произнесла женщина.

– О вас рассказывают настоящие чудеса.

– Рассказы полны преувеличений. Но могу я действительно много.

За ее спиной – портрет в полный рост, единственное украшение в комнате. Работа известнейшего парижского художника. Благодарного клиента.

Мадам Усоцкая, загадочная женщина из далекой России, появилась в Париже менее года назад и с легкостью овладела умами высшего общества. О ее способностях к ясновидению складывали легенды, у нее спрашивали совета министры и финансовые магнаты, ее боготворили. Паскаль добивался аудиенции месяц, с тех самых пор, как, вернувшись во Францию, узнал о появлении выдающегося медиума.

– Каково ваше дело?

– Хочу знать будущее.

– Вы думаете, знание поможет?

– Я не вижу иного выхода.

– Не желаете посвятить меня в подробности?

Мужчина глубоко вздохнул, на мгновение отвел взгляд:

– Это очень личные переживания. Поверьте, мадам Усоцкая, мне необычайно важно знать, что случится в течение ближайших часов.

– Ближайших часов?

– Зная о нашей встрече, я устроил дела так, что развязка произойдет сегодня. И от того, что я услышу, зависит то, как я себя поведу. – Паскаль выдержал короткую паузу. – Или вы предсказываете только на годы вперед?

Легчайший, едва заметный оттенок иронии прозвучал в его голосе. Посетитель осмелся высказать недоверие, ведь нагадать появление высокого брюнета с ясным взором в течение предстоящих десяти лет гораздо проще, чем рассказать, что ждет человека вечером.

Но мадам Усоцкая не обиделась.

– Вижу, вам доводилось общаться с шарлатанами.

– Я искал помощи.

– Поверьте, месье Паскаль, удовлетворить вашу просьбу не составит для меня никакого труда.

– Надеюсь.

Медиум положила руки на шар. Закрыла глаза.

– Какой отрезок времени? Точнее?

– С этой минуты и до полуночи.

– Теперь молчите.

Паскаль облизнул губы. Подумал и сменил позу, сел прямо, положив руки на стол, благо закрывшая глаза женщина не могла их видеть, не могла обратить внимание на безжизненность спрятавшихся под черными перчатками кистей.

Женщина перестала видеть окружающее.

Мадам Усоцкая не играла в медиума, она им была. И сейчас, выполняя просьбу гостя, смотрела в будущее. Взгляд ее был направлен далеко внутрь и далеко вовне. Взгляд ее покинул пределы комнаты и остался в ней, замурованный в хрустальном шаре. Взгляд ее охватил весь мир и поставил под сомнение его реальность. Взгляд ее...

Паскаль вздрогнул: пальцы женщины погрузились в стеклянную сферу. Мадам Усоцкая хрипло вскрикнула, и сразу же погасли шесть из девяти свечей.

И послышался каркающий голос:

– Кровь!

Паскаль широко улыбнулся.

– Кровь, – продолжила женщина. – Кровь на твоих руках... Ты... – Она задрожала, грубоватое лицо исказилось, черты стали резкими, отталкивающими. – Ты не Паскаль! Ты... – Она не могла открыть глаза, не могла выйти из транса, извлечь из хрусталя руки. Но увиденное потрясло ее настолько, что из-под опущенных век потекли слезы. – Ты... кровь. Ты убийца! Ты зверь! Проклятый зверь!

– Урзак, – громко произнес Паскаль. – Ты же знаешь, что меня зовут Урзак.

И резким движением смахнул со стола шар.

Мадам Усоцкая с криком упала на пол, но почти сразу же вскочила, слепо заметалась по комнате, попыталась обхватить руками раскалывающуюся голову и закричала еще сильнее, поранив себя застывшими на пальцах стеклянными иглами:

– Зверь!

Она снова упала на пол, наступив коленями на осколки шара. Застонала и наконец сумела открыть глаза.

– Я долго искал тебя, Читающая Время, – произнес Урзак, глядя на испачканное кровью и слезами, на искаженное болью и ужасом лицо женщины. – Расскажи, кто еще спасся?

Она промывчала что-то невразумительное. Урзак подался вперед.

– А самое главное: как смогла спастись ты? Я ведь помню, как убивал тебя!

И женщина увидела, что стоит за вопросом, – страх.

Урзак не мог понять, что нарушило его планы. Непонимание рождает неуверенность в себе, неуверенность рождает страх, страх питает врагов.

Мадам Усоцкая успокоилась и даже сумела высокомерно улыбнуться.

– Что ты знаешь о смерти, зверь?

И уверенной рукой вонзила стеклянные иглы себе в шею.

* * *

Анклава: Москва

Транспортный Узел «Шереметьево»

Слабая облачность, приятный свежий ветерок

Чей-то след, чей-то взгляд

– Внимание! До окончания регистрации пассажиров дирижабля «Семен Дежнев» осталось десять минут. Посадка осуществляется на башне А-4.

Судьба цеппелинов – небо. Подобно альбатросам, они никогда не опускаются на землю, проводя под облаками всю жизнь, с рождения до смерти. Только там.

Огромные серебристые сигары величественно покачивались над посадочными башнями, бросали тени на бетонные полосы Шарика и всем своим видом показывали, что только они, медлительные и неповоротливые, имеют право называться «королями воздуха». Они, а не суетливые крылатые железяки, низкородные и пошлые.

– Внимание! Закончена посадка на рейс 2121 Анклав Москва – Анклав Франкфурт...

Большинство европейских маршрутов обслуживали обычные реактивные самолеты, гонять на короткие рейсы «сверхзвуковики» бессмысленно и невыгодно даже при заоблачных ценах на билеты. Узконосые потомки «Конкордов» и «Ту-144» летали дальше, самое близкое их направление – Эдинбург. Однако элитой пассажирской авиации считались не они, а обслуживающие межконтинентальные рейсы «страты» – ракетные самолеты, выходящие за пределы атмосферы. На полях Шарика они группировались отдельно: классические «Боинг Star 90», изящные А-7000 «Дилижанс» и знаменитые китайские «Куай Цзянь».

– Внимание! Экспресс «Красная Стрела», следующий по маршруту Санкт-Петербург – Анклав Москва, прибудет с двухминутным опозданием. Генеральная Компания Наземного Транспорта приносит извинения...

Вокзал скоростных поездов находился на минус втором уровне, однако информация о рейсах шла по всей территории узла.

– Внимание...

Объявления не сливались, но следовали друг за другом с такой частотой, что вычлнить из потока нужную информацию казалось неразрешимой задачей. Большинство пассажиров и посетителей Шарика подключались к серверу Транспортного Узла напрямую, через «балалайку», маркировали нужный рейс и получали на чип весь необходимый пакет: время отправления и регистрации, место посадки и схему прохода к нему. Однако традиционные объявления по громкой связи руководство Шарика не отменяло. Не видело необходимости. Гигантский транспортный узел был переполнен людьми в любое время суток. Пассажиры и получатели грузов, представители транспортных компаний и лоточники, грузчики, встречающие, провожающие, жулики всех мастей, охранники, попрошайки – тысячи людей на тысячах гектаров. Тысячи людей, способных превратить в хаос самую продуманную и отлаженную систему. И голос диктора, проникающий в каждый уголок транспортного узла, объединял их, заставлял ощущать муравейник Шарика единым организмом, живущим по строгим и четким законам.

– Внимание! Регистрация пассажиров на рейс 2914 Анклав Москва – Анклав Эдинбург начнется через двадцать минут...

Мишенька остановился перед витриной сувенирной лавки, посмотрел на свое отражение, поправил белую фуражку, улыбнулся и не спеша направился к нужным воротам.

– Ничего запрещенного.

– Вас это смущает?

– Разумеется, господин Банум. – Без одарил Урзака белозубой улыбкой. – Мне платят за то, чтобы я находил преступников.

Натягивающий пиджак Хасим молча скроил ответную усмешку.

– Господин Банум, позвольте принести официальные извинения за причиненные неудобства. Дополнительная проверка...

– Оставьте, офицер, я знаю правила.

– Благодарю за понимание.

Еще одна дружелюбная улыбка. Но глаза у беза холодные, совсем не дружелюбные. Мимика отработана до мелочей, на лице морщинки, что появляются от многочисленных, ничего не значащих улыбок, а глаза – профессионала. Органические наноскопы. И извинения прозвучали безразлично, официально. Впрочем, лебезить перед пассажирами безов не учили, они делали свою работу, и точка, когда ошибались – так и говорили. Если досматриваемые начинали скандалить, им полагались еще несколько бессмысленных улыбок и дополнительные, но столь же холодные слова извинений. В крайнем случае вызывался начальник смены.

Правила.

Впрочем, Хасим привык к тому, что вызывает пристальный интерес у таможенников, и не собирался обвинять безов в ненужном рвении. Искусственные кисти, которые трансплантировали Бануму в «NanMed», действовали как настоящие: так же быстро, так же послушно. Они отличали горячее от холодного, тупое от острого, мягкое от твердого – посылали нужный сигнал в мозг... точнее, не в мозг – в «балалайку», а уж затем, благодаря дополнительным соединениям, – в мозг. Наноскопы, стоявшие на таможенных пунктах, реагировали на нестандартный разъем, и Бануму частенько приходилось отправляться в специальную комнату для дополнительной проверки.

– Прибыли с деловым визитом?

– У меня неплохо идут дела в Анклаве Цюрих, думаю открыть филиал фирмы и здесь.

– В Анклаве Москва прекрасно относятся к честным бизнесменам.

– Наслышан.

– Всего хорошего, господин Банум.

– Прощайте.

Урзак вышел в зал ожидания, остановился, прислонил трость к стене и стал медленно натягивать кожаные перчатки. Тонкие черные перчатки. Внешне искусственные руки ничем не отличались от настоящих: поры и волоски на коже, небольшой шрам между большим и указательным пальцами правой руки, не совсем идеальные ногти. Руки были теплыми, искусственная кожа даже краснела при пощипывании – в свое время Хасим не поскупился, заставив специалистов из «NanMed» сотворить подлинное чудо. Мертвые руки были живыми насколько это возможно.

Тем не менее Урзак предпочитал прятать их под перчатками.

Он восстановил прерванное во время досмотра подключение к информационной сети Шарика и негромко произнес:

– Такси.

Через мгновение в правом верхнем углу напыленного на глаза наноэкрана появилась схема кратчайшего пути к стоянке.

Моратти предлагал Урзаку удобную легенду, под которую можно было обеспечить встречу в аэропорту и снять хорошую квартиру в Сити, но Хасим отказался. Он взял у президента только самое необходимое, а обо всем остальном позаботился сам – так спокойнее.

– Внимание! Регистрация пассажиров на рейс 2914 Анклав Москва – Анклав Эдинбург начнется через двадцать минут...

Урзак взял трость, поднял с пола тонкий чемоданчик – весь свой багаж, сделал шаг вперед и тут же остановился, едва не столкнувшись с молодым человеком в летной форме.

– Извините.

– Вы извините, – улыбнулся пилот.

– Не за что.

Хасим повернулся к молодому человеку спиной и, тяжело опираясь на трость, направился к эскалатору: остановка такси находилась на минус первом уровне.

Белая форма с золотом – пилоты дирижаблей, белая форма с черным – «страты», добавки голубого указывали на то, что человек летает на сверхзвуковиках и, наконец, темно-синие вставки говорили, что перед вами пилот обычных самолетов. Улыбчивый молодой человек носил белое с голубым, люди смотрели на него с уважением, уступали дорогу, но Урзак был далек от того, чтобы восхищаться неизвестным летуном. Его заинтересовало то, что не видел никто другой.

Неуловимый след, который оставлял за собой молодой летчик.

– Николай Крючков, резервный пилот, рейс 2914.

Сотрудница авиакомпании посмотрела на Мишеньку с интересом: красавчик, да и сложен неплохо, да еще и сверхзвуковик – мечта любой девушки на выданье. Ослепительно улыбнулась, продемонстрировав, как умеют двигаться пухленькие – совсем чуть-чуть подправленные пластиками – губы. И порадовалась про себя, что не поленилась и утром нанесла макияж от «а» до «я», не ограничилась помадой и пудрой.

– Наверное, не часто бываете дома?

И поправила упавший на лицо светлый локон.

– Как раз наоборот – слишком часто, – улыбнулся Мишенька. – Пилоты не любят болеть, и работы у резервистов немного.

– А когда в основной отряд?

– Годика через два. Без опыта на постоянные рейсы берут редко.

Девушка с удовольствием бы поболтала с летчиком подольше, но к стойке подошли пассажиры с каким-то сверхважным и сверхсрочным вопросом, а потому пришлось завершать приятную беседу.

– Пожалуйста, поверните голову.

– С удовольствием.

Сканер считал информацию, и по монитору побежали слова сообщения:

«Проверка подлинности – 100».

«Балалайка» у Щеглова стояла настоящая, иначе и быть не могло, ведь чипы пилотам выдавала СБА. В «Пирамидоме» визировали все изменения в статусе служащих авиационных компаний и осуществляли проверку подлинности. Так что единственное, что сделали машинисты Мертвого, – добавили в собственную базу данных новую запись.

Курс управления сверхзвуковым самолетом Мишенька прошел еще в Университете – он входил в стандартную программу подготовки офицера СБА, и за те несколько часов, что у него были до отлета, Щеглов успел позаниматься на тренажере, освежить в памяти старые знания и ознакомиться с произошедшими изменениями. Разумеется, Мишеньку трудно было назвать полноценным летчиком, но поработать вторым пилотом он мог без проблем. К тому же по специальному, надежно защищенному каналу СБА, невидимому для авиационных служб, Щег-

лова страховал настоящий летчик из Московского отряда, готовый в любой момент подсказать правильный ответ на любой вопрос.

– Кстати, вы не знаете, что случилось с основным пилотом? – поинтересовался Щеглов после того, как девушка решила проблемы пассажиров.

И удостоился еще одной лучезарной улыбки.

«Он не ушел!! Он хочет поболтать!»

– С основным все в порядке. Второй отравился.

– Опять второй, – посетовал Мишенька.

– Ничего страшного, Николай, уверена, скоро вы станете капитаном. – Девушка чуть подалась вперед и взмахнула длинными ресницами. – Я работаю каждый день. Моя смена с восьми до шестнадцати.

– Наверное, достают пассажиры?

– Не то слово...

Она отчаянно пыталась закрепить успех и превратить мимолетную встречу во что-нибудь более перспективное.

А он отчаянно пытался понять, кто за ним следит. И, флиртуя с симпатичной девчонкой, периодически бросал взгляды на зеркальную витрину за ее спиной, прощупывая находящихся в зале людей.

Кто?

Знакомый? Невозможно: пластики СБА изменили его внешность так, что Мишенька сам себя не узнавал. Кауфман послал группу прикрытия? Зачем? Операция засекречена, и тайна хранит посланца Мертвого лучше, чем рота тяжеловооруженных безов. Предательство? Нет. О предстоящем путешествии в Эдинбург знали всего пятеро: кроме Кауфмана и Слоновски два техника да пилот на подстраховке. Трех последних Щеглов лично проверил и перепроверил сто раз – он курировал контрразведку московского филиала СБА – и был в них полностью уверен.

И все-таки чувствовал, чутьем профессионального дознавателя чувствовал, что кто-то за ним смотрит. Или смотрел. Скорее именно так: смотрел. Но взгляд незнакомца, тяжелый, оглушительно тяжелый, как вцепился в Мишеньку, так и не отпускал. Хватка слабела, конечно, но очень и очень медленно, нехотя и не уходила просто так, в никуда, а оставляла после себя неприятную, покалывающую боль в висках.

«Таким взглядом только стены сносить!»

А девушка продолжала болтать. Она уже перешла на «ты» и теперь завершала какую-то смешную историю из портовой жизни:

– И представь себе, Николай, сюда выходит сам директор Шарика! Обалдеть, да?

– Да.

Поняв, что человек, бросивший тяжелый взгляд, давно ушел, Мишенька попытался перебрать встреченных в зале людей. Тех, кто запомнился. Таксист, носатый, черноглазый («слегка заикается...»), две симпатичные веснушчатые двойняшки с тяжелыми рюкзаками («очень неплохие ножи...»), расплывшаяся тетка в хиджабе, за которой следовал выводок детишек («огромные миндалевидные глаза...»), плешивый капер в дорогом костюме, бородавка на левой щеке («почему он ее не свел?»), калека с палкой... Калека, с которым он столкнулся незадолго до того, как подошел к стойке... Его лицо почему-то не хотело всплывать перед внутренним взором Мишеньки. Не хотело, и все.

«Не твой ли взгляд на меня давит?»

– Николай, когда ты планируешь вернуться в Москву?

– Предсказать сложно, но я не думаю, что задержусь больше чем на два дня.

«Надо будет просмотреть запись в „балалайке“».

* * *

Где-то в сети

История не знает крепостей, которые не удалось бы взять

После общения с Моратти работорговцы решили не задерживаться в Цюрихе и разъехались к местам постоянного проживания. Некоторые из них отправились в Анклавы, вернувшись к обличью добропорядочных бизнесменов: кто-то переместился на виллу, кто-то на океанскую яхту. У каждого из них была вторая, законопослушная жизнь, которой они дорожили не меньше, чем первой, основной. Каждый из них был видным членом общества, выходил в свет, поддерживал благотворительные фонды и не состоял на учете ни в одной спецслужбе мира. Во всяком случае, как подозреваемый в причастности к деятельности Ассоциации.

А посему следующая встреча лидеров Ассоциации, которая состоялась через несколько дней после переговоров с президентом СБА, кардинально отличалась от предыдущей. Советование шло через сеть, над обеспечением его безопасности работало несколько десятков классных машинистов, и потому работорговцы могли говорить почти свободно. Вот только ответы приходили с двухсекундной задержкой, но к этой мелочи лидеры Ассоциации давно привыкли.

– Надеюсь, детали московского проекта уже разработаны?

– Разумеется, господа, как и было обещано.

Предложение Моратти работорговцы приняли в тот самый день, когда оно было высказано. Приняли практически единогласно, при одном воздержавшемся: идея сделать должником Ассоциации самого президента СБА понравилась лидерам. Дольше всех колебался скептик, за что его в конечном итоге назначили менеджером проекта, и теперь ему предстояло отчитываться о проделанной работе.

– Разработаны... А ведь вы говорили, что времени для реализации проекта недостаточно, – напомнила женщина.

– Могу повторить, – буркнул скептик. – Никогда ранее мы не готовили столь сложную операцию в такие сжатые сроки.

– Какова вероятность успеха? – вклинился в разговор весельчак.

– Восемьдесят процентов.

– Так высоко?

– Вы сомневаетесь в моем профессионализме? – поморщился скептик.

В целях безопасности собеседники использовали только голосовую связь, без видео, но они слишком хорошо знали друг друга, чтобы понять, какую именно гримасу выдал менеджер проекта.

– Никто в тебе не сомневается, – произнес рассудительный. – И давайте, в конце концов, перестанем прыгать с пятого на десятое. Рассказывай по порядку.

– ОК, – согласился скептик. – Итак, первая проблема – недостаток времени. С ней мы более или менее справились, но это нам стоило невысокой вероятности успеха операции, поскольку был выбран максимально простой в реализации план.

– Придется рискнуть, – буркнул пятый участник совещания, самый молчаливый из всех лидеров Ассоциации.

– Тем более что выбора у нас нет, – поддакнула женщина.

Скептик вежливо дождался, когда собеседники прекратят обмениваться мнениями, и продолжил:

– Вторая трудность: собственно реализация проекта. Особое внимание следовало уделить тому, чтобы при любом развитии событий, и в случае успеха, и в случае провала, никто не смог увязать проект с Ассоциацией.

– Безусловно!

– Поэтому я решил не задействовать в операции ни Егеря, нашего регионального менеджера, ни подчиненных ему людей. Никакого прикрытия с нашей стороны.

– Это увеличит затраты на проект.

– Главное – безопасность.

Скептика выбрали на роль менеджера не только потому, что он дольше всех противился сделке с Моратти. Он был самым осторожным из лидеров, курировал, на пару с рассудительным, внутреннюю безопасность, и можно было не сомневаться, что он сделает все, чтобы оградить Ассоциацию от ненужных подозрений.

– Я подобрал персонал, способный работать в условиях полной автономности.

– Персонал будет потерян?

– Только в самом крайнем случае. К участию в проекте привлечены опытные и квалифицированные люди, которые в дальнейшем могут быть полезны Ассоциации.

– Вы уверены, что сможете соблюсти сроки?

– Проект планируется осуществить во время карнавала.

– Так скоро?

– Мы проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что затягивать не имеет смысла.

По мере приближения крайнего срока уровень безопасности вокруг объекта будет расти. Он ведь не идиот, в конце концов. А на карнавале объект появится обязательно. Разумеется, его будут охранять, но в условиях праздника сделать это качественно крайне сложно.

– Вы только что сказали, что объект не является идиотом.

– А еще я только что сказал, что мы проанализировали ситуацию, – огрызнулся скептик. –

На карнавале объект сопровождает удвоенное количество охранников. Не менее пятидесяти человек, включая снайперов и агентов в штатском. Но и только. Обеспечить надежную защиту они неспособны.

– Исполнители смогут осуществить проект?

– Вероятность восемьдесят процентов.

– И смогут уйти?

– Да. Эта часть плана проработана наиболее детально. Как я уже говорил, персонал подобран квалифицированный. Они не хотят попадаться.

– Как СБА возьмет виновных?

– Непосредственно на месте преступления, на карнавале.

Работотворцы помолчали, переваривая странное заявление скептика.

– Я думаю, в детали плана вдаваться не следует, – произнес наконец рассудительный. – Достаточно того, что менеджер проекта в нем уверен.

– Кого вы сдадите СБА? – поинтересовалась женщина.

– Братьев Бобры, – ответил скептик и пояснил: – Это видные московские уголовники.

– Улик будет достаточно?

– Более чем.

– Какую легенду им расскажут?

– Никакую. Братьев будем использовать втемную.

– Не уверен, что стоит связываться с канторщиками, – высказался молчун.

– Некоторое время назад у братьев были проблемы, их взяли с «поплавками», правда, довольно быстро отпустили.

– Это я и имел в виду, – произнес молчун.

– Бобры работают на СБА? – В голосе весельчака прозвучало удивление.

Он занимался исключительно американскими континентами и был далек от московских реалий.

– Мертвый выстроил в своем Анклаве весьма специфическую систему, – сообщил скептик. – Он грамотно использует этнические противоречия, стравливает между собой канторы, но при этом плотно их контролирует. Можно сказать, что все московские бандиты так или иначе работают на СБА. Во всяком случае, такой плотности осведомителей, как у Мертвого, нет ни у одного другого директора.

– Если Бобры работают на СБА, это даже лучше, – заметил рассудительный. – Кауфман им доверяет, а значит, повышается вероятность того, что он пропустит удар.

– Мертвый никому не доверяет, – вздохнул скептик. – Но добратся до него я постараюсь.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Аравия

Около девяти утра, солнечно

Тайны мертвецов скрывают их друзья

«Была ли случайной встреча в аэропорту?»

Этот вопрос занимал Урзак всю дорогу до Аравии. Таксист не мешал – Банум сразу же велел ему заткнуться, – а окрестностями Урзак не интересовался, считая, что все Анклавы похожи друг на друга, так что размышлениям ничего не препятствовало.

Как всегда в подобные минуты, Банум не сводил взгляд с трости, а точнее, с резной рукояти. Маленькие черные бусинки, которые древний мастер искусно врезал в змеиную голову, могли показаться безжизненными, мертвыми, но Урзак умел смотреть глубже и знал способ преодолеть преграду и увидеть искру жизни за непроницаемой мглой. Но для этого нужна полная концентрация... которая так необходима во время размышлений.

Итак, молодой человек в форме пилота, аура которого опалена дыханием Чудовища. Последнее звено в цепи доказательств. Самое последнее. Аура – это не рассказ китайца и не ставшие теплыми руны, ауру не подделаешь. Следы, что оставляет Чудовище, можно попытаться скрыть, завуалировать, но пилот мер предосторожности не принял, из чего можно сделать вывод, что Чудовище чувствует себя в Москве как дома. Здесь его логово, его крепость. Здесь оно готово встретить любого врага.

«Знает ли Чудовище обо мне?»

Банум давно познал все, что вызывает страх: предательство, боль, тлен. Из-за этого ему иногда не хватало эмоций, чувства прошедшего через все человека притупились, жизнь потеряла прежнюю яркость, но сделанного не воротишь. Воплощение холодного разума – его выбор. И его защита. Нельзя сойти с ума, оценивая происходящее с позиций: «полезно – бесполезно», «выгодно – невыгодно», «практично – непрактично». Вопрос волновал Урзак только потому, что Чудовище могло скрыться, а Банум намеревался покончить с его существованием раз и навсегда.

«Знает ли Чудовище обо мне?»

И из этого вопроса плавно вытекал другой:

«Была ли случайной встреча в аэропорту?»

Тщательно обдумав ситуацию, Урзак ответил утвердительно:

«Да, встреча случайная».

Вряд ли Чудовище направило в аэропорт человека со столь заметной аурой, а если бы и отправило, то не позволило бы ему столкнуться с Банумом. Нет, если бы речь шла о встрече, Урзак должны были ждать обычные люди, специалисты наружного наблюдения. Сменяя друг друга, окружив гостя электронными глазами и ушами, они бы провели Хасима до самой квартиры, организовали бы несколько точек слежения... но этого не произошло. Такси спокойно

ползло по московским пробкам, и никто – никто! – в этом Урзак был уверен на сто процентов, не следовал за ним.

«Или встреча была знаком? Не показывает ли Чудовище, что знает о приезде и не прочь договориться?»

Над этими вопросами Банум размышлял недолго:

«Нет. Невозможно».

В бусинках змеиных глаз проскользнули искорки, словно вырезанная из дерева тварь согласилась с хозяином.

Словно она помнила кровь на камнях Последнего Храма. Словно понимала, что Чудовище скорее убьет себя, чем протянет руку Тому, Кто Выбрал Путь.

А вышедший из транса Урзак перевел взгляд на мертвые кисти и прошептал:

– Тебя не должно быть. Ты не могло появиться. Не могло. Не могло...

Исламских районов в Москве два: Аравия и Урус. Правда, часть негров также почитала Аллаха, но их количество было незначительным, и Занзибар называли черным, вуду-католическим, а не правоверно-зеленым. В Урусе, расположенном на юго-востоке Анклава, селились в основном выходцы из России и Омарского эмирата. Эта территория считалась беспокойной и непредсказуемой. Чужаков здесь не любили, власть находилась в руках вождей семейных кланов и нескольких мощных кантор, которые не желали делиться ею даже с Мертвым. Впрочем, ничего странного в подобном положении вещей не было: такие же нравы царили в Занзибаре и Шанхайчике, не говоря уж о территории Мутабор.

На фоне Уруса Аравия выглядела куда как цивилизованнее: мало ветхих домов, нет мусорных куч на перекрестках, на улицах почти не встречаются вооруженные люди. В некоторых секторах, где селились богатые арабы, порядок поддерживали патрули СБА. Исправно оплачивались услуги городских служб, что позволяло содержать улицы в относительной чистоте и не бояться, что прорыв канализации приведет к появлению вонючих болот – подобные происшествия случались в Урусе по несколько раз в год. Среди аравийцев преобладали переселенцы из Исламского Союза, что накладывало существенный отпечаток на жизнь территории. И ничего удивительного, что Урзак, привыкший к европейской жизни и имеющий массу друзей в Союзе, снял квартиру в этом спокойном уголке Анклава.

Однако первое, что он увидел, выйдя из такси, был разбитый информационный экран, возле которого стоял фургон с логотипом «МосИнфо». За сменой поврежденных частей наблюдало несколько зевак, и Банум, поколебавшись, остановился за их спинами.

– Завтра опять разобьют, а мы плати.

– Шейх сказал, что такое больше не повторится.

– Шейху, конечно, виднее.

– Говорят, ночью еще два магазина сожгли...

Урзак отвернулся от экрана, медленно обвел взглядом стены домов и почти сразу увидел то, что искал: «Кашмир!». Крупная надпись красной краской. В Аравии, судя по всему, назревали беспорядки.

«Тихий район?»

Квартиру Бануму присмотрели друзья. Сказали, что это будет приличный дом в хорошем квартале, а соседи – исключительно достойные люди. Фотографии здания и внутреннего убранства холлов и квартиры произвели на Урзака самое благоприятное впечатление, он согласился, получил электронный ключ, приехал, и вот – пожалуйста. Если в дорогом квартале Аравии происходят подобные вещи, то что же творится в районах, заселенных людьми попроще?

Банум вытащил из бумажника мелкую купюру, подозвал к себе мальчишку и поинтересовался:

– Что случилось?

– Наши вчера кришнам врезали, – охотно поведал пацан. – Вот они и ответили. Под самое утро примчались на двух джипах и устроили пальбу. Старая Зухра в окно высунулась и получила пулю в плечо, а Хамид, ее сын, сказал...

– Можешь не продолжать.

Урзак отдал парнишке честно заработанный евродин и направился к своему подъезду. Под ногами хрустело разбитое стекло.

Несколько позже, приняв ванну и расположившись на низеньком диване в большой гостиной – квартира действительно оказалась прекрасной, – Банум окончательно выбросил из головы увиденное на улице. Пока назревающие в Аравии беспорядки его не касались, думать о них не имело смысла. Сосредоточиться следовало на поисках Петры Кронцл, через которую – Урзак в этом не сомневался – можно будет выйти на Чудовище.

Поговорив с Моратти и изучив все подробности истории, что случилась в Москве несколько месяцев назад, Банум смог оценить, в какой непростой ситуации оказался Роман Фадеев, которого выманили на враждебную территорию и заставили играть по чужим правилам. Итог известен: Роман мертв, Петра пропала, корпорация находится под управлением президента «Науком» Холодова. Казалось, недруги Фадеева получили все, что хотели. Но только казалось. Урзак не сомневался, что от Романа требовали большего: отдать контрольный пакет, оставив за Петрой лишь незначительную долю, но Фадеев ценой собственной жизни сумел сохранить корпорацию для внучки. Что стало для нее превосходной страховкой – в случае смерти законных владельцев «Фадеев Групп» была бы продана по частям.

Знал ли Роман, где находится Петра?

Урзак не сомневался, что знал, наверняка обговорил детали. И так же наверняка позаботился о том, чтобы за внучкой присматривали не только похитители. Оставил надежных людей, способных в случае необходимости прийти Петре на помощь. Кого-то из своих телохранителей? Нет. Все шотландские безы покинули Москву после смерти Фадеева, никто из них не вышел в отставку и не вернулся в Анклав. Старые друзья? Роман родился в России, и у него наверняка сохранились связи, однако нащупать их невероятно сложно, для этого придется детально прорабатывать биографию Фадеева. Оставался только один кандидат – капитан спецназа ОКР Эмира Григорьевна Го. Она сопровождала Романа в Москве, ее люди засветились во время штурма базы Зузинидзе – скорее всего, тоже планировали освобождение Петры, но не успели, – наконец, прошлое Эмиры. В собранном людьми Моратти досье (а точнее – купленном в ОКР) подробно рассказывалось о детстве капитана Го, о том, чего ей довелось хлебнуть, и, читая его, Урзак подумал, что похищение девушки вполне могло задеть чернобурку.

Или не могло? Или идеальная машина, в которую превращали новобранцев дрессировщики ОКР, забыла о прошлом? Ответа на этот вопрос у Банума пока не было.

Но Фадеев тоже просматривал досье на капитана Го и наверняка обратил внимание на историю ее детства. Хватило ли у него времени, чтобы разобраться в Эмире?

– А у тебя не было выбора, – усмехнулся Урзак. – Ты растерял всех друзей, Железный Ром, и был вынужден полагаться на тех, кто под рукой.

Да и кто поверит, что верхолаз доверился чернобурке?

– Ты знаешь, где прячут нашу девочку, – улыбнулся Урзак, обращаясь к фотографии Эмиры. – И знаешь, кто ее прячет.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы

В тот день занятия начинались после обеда, и Пэт позволила себе поваляться в кровати подольше. Будильник не включала, проснулась, когда захотела, и еще с полчаса нежилась, бездумно переключая каналы на стационарном коммуникаторе.

– Польские фундаменталисты бурно отпраздновали возвращение из Мекки шейха Саида, наиболее почитаемого в этой провинции Баварского султаната духовного лидера. Манифестация в Кракове продолжалась...

«Скучно!»

– Специально для Бала Королевы Осени! Уникальное предложение от клуба «Кукуруза»! Полная имитация тропического острова...

«Спасибо, я уже знаю, куда пойду...»

– Стань стомиллионным участником «Переворота сознания»! Подключись к самой популярной глобальной игре современности, окажись стомиллионным игроком и получи суперпризы!!!

«Ага, размечтались!»

– Дорогой, ужасная новость! Двоюродная сестра мужа племянницы твоего шурина беременна от...

«Страсти какие...»

Девушка остановила выбор на одном из музыкальных каналов, нехотя выбралась из-под одеяла и направилась в примыкающую к спальне туалетную комнату. Однако едва Пэт выдавила на щетку пасту, как музыка сменилась рекламой:

– Нанотехнологический комплект «Барби»...

Поморщилась: «Фи! Барби!» Но тут же задумалась: все-таки управлять цветом волос и ногтей через «балалайку» весьма удобно.

«Купить?»

Поразмыслила, покачала головой и принялась яростно чистить зубы – Кирилл ни за что не одобрит вживание нанов.

В структуре антикварной компании «Шельман, Шельман и Грязнов» Филя Таратута занимал скромную должность начальника хозяйственного отдела. Выглядел он соответствующе: неприметное, незапоминающееся лицо, скромная одежда блеклых тонов, дешевый и практичный мобиль. На деле же Таратута не только вел всю бухгалтерию фирмы, но и являлся правой рукой Грязнова в другом предприятии, контролируя работу московского отделения Консорциума Транснациональных Перевозчиков, организации контрабандистов, размах деятельности которой заставлял скрежетать зубами все силовые структуры планеты.

– Кришны не хотят ждать, Кирилл, уже два раза выходили на связь.

– Для чего?

– Просят ускорить поставку.

Грязнов задумчиво перебрал несколько жемчужин четок, посмотрел на голову дракончика и поинтересовался:

– Мы можем привезти товар?

– Он уже в Москве, – подтвердил Таратута.

– Напомни, в спецификации нет ничего серьезного?

– Индусы не идиоты. Понимают, что мы не повезем барахло, которое вызовет у Мертвого истерику. – Подумал и добавил: – Мы не идем *contra rationem*².

² Против здравого смысла (*лат.*).

Все знали, что Консорциум мог раздобыть любое оружие: хоть охотничий нож, хоть ядерную мину – связи у контрабандистов были колоссальные. Однако на практике они предпочитали придерживаться определенных правил. Контрабандисты частенько отказывались от сотрудничества с террористическими группировками, никогда не связывались с оружием массового поражения и никогда не поставляли в Анклавы боевые комплексы типа «саранча» или «пингвин». Безы не любили драться с хорошо экипированным противником, а Консорциум не желал вести полномасштабную войну с СБА. Разумеется, находились горячие головы, пытавшиеся заставить менеджеров КТП отойти от принципов. Финал этих попыток был всегда одинаков: горячие головы отрезались.

– Кришны запросили дешевое ручное оружие и боеприпасы. Но в больших количествах.

– Будут раздавать людям.

– *In pugna non numerus multum, sed fortitudo eorum vincit*³.

– Они ждут толпу из Аравии, – проворчал Грязнов. – Это будет не битва, а навал, который можно остановить только огнем.

– Или они сами хлынут в Аравию.

– Или так, – не стал спорить Кирилл. – В любом случае, ситуация там нестабильная, так что вези товар как можно быстрее: если опоздаем, нам никто не заплатит.

– *Periculum in mora*⁴, – подытожил Филя.

– Верно, – кивнул Грязнов и обернулся к открывшейся двери: – Что?

– Патриция проснулась, – сообщил Олово. – Я накрыл завтрак.

Некоторое время назад, впервые оказавшись в доме Грязнова, Пэт не сочла его интересным. Она привыкла к богатым поместьям, к фешенебельным виллам, к замкам, площадь которых превосходила пару городских кварталов, и лишь поморщилась при виде двухэтажного особняка на московской улице. И несколько дней ее раздражала мысль о том, что ей придется жить в этой хижине. Но постепенно раздражение прошло, сменившись сначала удивлением, а затем и уважением. Особняк Кирилла оказался настоящим домом, уютным и спокойным местом, стены которого надежно ограждали обитателей от суеты и непредсказуемости внешнего мира. Если Пэт возвращалась в него взвинченной, чем-то недовольной, то уже через пятьдесят минут она успокаивалась, если ей становилось тоскливо, то достаточно было пройтись по скрипящим половицам второго этажа, провести рукой по деревянным панелям или перилам лестницы, чтобы вернуть себе присутствие духа. Дом принял девушку, а Пэт приняла его и давно забыла о том, что хотела напылить на стены наноэкраны и расширить окна.

– Как дела в Университете?

– Нормально.

– Подружилась с кем-нибудь?

– Познакомилась.

– Нельзя прожить жизнь, имея лишь знакомых и приятелей.

– Ты, как всегда, прав.

Грязнов замолчал. Пэт взяла тост и намазала на него абрикосовый джем. Собирающий грязные тарелки Олово наградил девушку укоризненным взглядом.

– Ты сказала это с иронией, – после паузы произнес Грязнов.

– Ты ошибся.

– Кажется, тебя что-то беспокоит. У тебя портится настроение...

– Ты ошибся.

– Пэт?

³ В битве к победе ведет не большое число, а отвага (*лат.*).

⁴ Промедление опасно (*лат.*).

Девушка помолчала. Ей не нравилось, что Кирилл легко, как книгу, читал ее состояние. Он видел все: когда ей весело и когда тоскливо, когда поглощена раздумьями и когда мается со скуки, не зная, чем заняться. Он видел и вел себя соответствующе. Этим Грязнов напоминал Пэт Деда. Чем и раздражал: ведь Дедом он не был.

Деда уже нет.

– Расскажи, что случилось, – попросил Кирилл. – Пожалуйста.

Поняла: не отстанет. И нехотя буркнула:

– Ко мне снова приставали свамперы.

– Как вы расстались?

– Карбид сказал, что в следующий раз будет считать меня врагом.

– Карбид их вожак? – уточнил антиквар.

– Да.

– Он произнес эти слова при свидетелях?

– Да.

– В этом случае к ним следует отнестись серьезно. У байкеров принято отвечать за свои слова.

– Я его не боюсь.

– Об этом и речи быть не может. – Грязнов выставил перед собой ладони. – Если я превращу тебя в трусливую курицу, Железный Ром найдет меня на том свете и, пожалуй, загрызет.

Кирилл не в первый раз упоминал имя Деда в таком полушутливом тоне, и Пэт давно перестало это коробить. Тем более Фадеев сам сказал внучке, что Грязнов его старый друг.

– Ты можешь мне помочь?

– Если ты попросишь.

Он ответил не высокомерно и без ехидства. Но посмотрел на девушку очень внимательно. И всем своим видом давал понять, что ломать гордость не надо, не тот случай. Они друзья, а в том, чтобы попросить об одолжении друга, нет ничего зазорного.

Но Пэт только училась дружить.

– Что ты можешь?

– В принципе – все.

– Вот как?

– Вот так.

Олово, бесшумно появившийся за спиной хозяина, поставил перед ним бокал с водой. Кирилл вытащил из кармана старомодную позолоченную коробочку, высыпал на ладонь несколько таблеток, положил их в рот и запил водой. Пэт знала, что Грязнова часто мучают головные боли, но к врачам он не обращался, современные препараты не использовал, предпочитая глотать пилюли, приготовленные жившим по соседству аптекарем.

На несколько секунд Кирилл закрыл глаза, а когда вновь распахнул их, Пэт сразу же спросила:

– И ты убьешь их? Если я попрошу?

– Безусловно. – Он медленно допил воду. Усмехнулся. – Лучше я сделаю это сейчас, не дожидаясь, пока они причинят тебе какой-нибудь вред и мне придется уничтожить их, пылая праведным гневом. – Грязнов помолчал. – Но есть нюансы. Существует вероятность, что мы не уничтожим всех байкеров. Или их родственники пожелают отомстить. Но ты не стесняйся. Если скажешь, я сотру с улицы всю банду.

Только сейчас девушка поняла, что Кирилл говорит абсолютно серьезно. Не испугалась – ей уже доводилось видеть кровь. Но поняла, чего не хватало Деду и почему он хотел сделать скромного антиквара Грязнова своим компаньоном: жестокость. Не жесткость, не злость, а спокойная, хладнокровная, обдуманная жестокость. Роман Фадеев не был слабаком, он легко переступал через друзей и врагов, убивая их одним из самых сильных орудий – деньгами,

но когда его миллионы перестали что-либо значить, когда он столкнулся с людьми, которых нельзя купить, Железный Ром потерялся. А скромному антиквару, судя по всему, было безразлично, чем убивать: деньгами или клинком.

– Перебить целый вагон трудно... – начала девушка и осеклась: на губах Олово, явившегося за бокалом, промелькнула тень улыбки.

– Я должен заботиться о тебе, – мягко напомнил Грязнов.

– Такая помощь мне не нужна.

– Какая нужна?

– Я хочу справиться сама.

– Прекрасный ответ, дочь.

– Не называй меня так.

– Извини, не могу. Мы должны играть.

– Мы договаривались, что ты будешь называть меня так только на людях.

Грязнов кивнул:

– Ты права. Извини. Я привык.

– Не надо привыкать.

Кирилл потер лоб:

– Вернемся к нашим делам. Что в твоём понимании означает «справиться сама»?

Пэт повертела в руках салфетку.

– Они видят во мне только симпатичную метелку, богатую, но метелку. Большинство байкеров – мужики, их подруги... просто подруги.

– Есть масса исключений.

– Не в этом вагоне.

– ОК.

Девушка помолчала.

– Они считают, что я им неровня.

– Ты чужая. Во всем чужая.

– Но нам кататься на одних улицах.

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Грязнов широко улыбнулся: – Итак, к делу. Чего ты хочешь? Сравняться с ними?

Пэт упрямо выпятила подбородок:

– Сравняться? Я лучше!

– Хочешь возглавить вагон?

«Что за идиотское предложение?»

– Зачем? Они должны оставить меня в покое.

– Продемонстрируй им свою силу. Докажи, что ты лучше.

– Этого будет достаточно?

– Смотря как преподнести.

Девушка вновь задумалась.

– А еще лучше, – протянул Кирилл, – подружись с ними.

– Подружиться?

– Что тебя не устраивает? Докажи свою силу, свое превосходство, а затем предложи дружбу.

Пэт вспомнила, как вели себя ее знакомые, те, из старой жизни. В их мире дружба, точнее, то, что они называли дружбой, была возможна только с равными. Если твой отец не верхолаз, а высокопоставленный капер, ты уже из другой лиги, ты всегда будешь чуть ниже.

– Разве это возможно: дружба между нами?

– А что, по-твоему, дружба?

Она не потратила на размышления слишком много времени:

– Отношения, основанные на взаимном уважении.

– Я не совсем согласен с подобной концепцией, но не собираюсь спорить сейчас. Я принимаю твоё высказывание. Итак. Взаимное уважение. Взаимное. Тебе придется уважать их. Сумеешь?

– Я должна подумать.

– Хорошо, что ты не ответила сразу, – одобрил Кирилл. – А они соответственно должны уважать тебя. Не бояться, не липнуть к твоим деньгам, а уважать. Видеть в тебе человека. Видеть тебя настоящую.

Она не собиралась откровенничать, но не удержалась:

– Карбид хочет меня.

– А ты его?

Пэт скривилась.

– Понятно. – Грязнов почесал кончик носа. – Ты правильно сделала, что не скрыла эту подробность. Любая информация важна, а уж такая – тем более.

– Он видит во мне метелку и ни за что не признает равной.

– Я бы добавил, что Карбид наверняка обсуждал с приятелями твои достоинства и планы в отношении тебя. Теперь он не отступит.

– Чтобы не потерять уважения среди своих.

– Верно.

– И что нам остается?

– Скажи ты, – предложил Грязнов.

– Карбид должен исчезнуть, – спокойно произнесла Пэт. – Он всегда будет против меня.

– Все правильно, – негромко сказал Кирилл. Он опустил глаза и внимательно посмотрел на дракончика.

А голос девушки звучал все увереннее и увереннее. Разговор, который она начинала нехотя, помог ей разобраться в проблемах и принять нужное решение.

– Я хочу знать об этом вагоне как можно больше. Ты сможешь собрать информацию?

– Да.

– Когда я буду знать все, я смогу рассчитать свои действия.

– Все правильно, – тихо повторил Грязнов, – все правильно.

Чуть позже, когда девушка отправилась в свою комнату – «надо подготовиться к занятиям», – Кирилл вышел на кухню. Жестом показал Олово, чтобы тот не прерывался – слуга разделял кролика, – некоторое время постоял у плиты, не приближаясь к покрытому кровью столу, после чего негромко сказал:

– Передай Таратуте, что к вечеру мне нужна подробная информация о свамперах.

– Да-а, мастер. – Олово тянул некоторые гласные, отчего его речь резала слух. – Они приста-ают к девочке?

Голос слуги был корявым, но в нем прозвучали нотки... нет, не угрожающие, не злые, не яростные... нотки человека, умеющего наводить ужас. Они улавливались подсознательно, и тот, кто мог их услышать, начинал смотреть на скромного Олово совсем другими глазами.

– Она справится.

– Хорошо.

Узкое лезвие скользило по тушке, нож казался продолжением окровавленных рук слуги – настолько ловко он с ним обращался. Олово молчал, но Кирилл не уходил, знал, что через некоторое время разговор продолжится.

– Она-а не доверя-ает ва-ам, мастер. Сторонится.

– У нас есть время.

– Три года пролетя-ат быстро.

– Но торопиться не следует.
– Она-а может за-амкнуться, ста-ать скрытной. – Олово закончил работу и, не поднимая глаз, отошел к раковине и принялся отмывать нож от крови. – Она-а может оста-аться чужой.
– У нас есть время, – повторил Грязнов. – А пока разузнайте, что из себя представляют эти свамперы.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Болото

Клуб «Ракетный Ускоритель»

Золото и доброе слово могут больше, чем только золото

Маленький ребенок ломает только что подаренную игрушку. Маленький ребенок ловит и вскрывает зазевавшуюся лягушку. Со стороны кажется, что мы видим проявление бездумной первобытной жестокости. На самом же деле маленький ребенок познает мир. И если он растет в нормальной семье, то очень скоро поймет, что создавать значительно интереснее, хоть и труднее, чем разрушать. Что к новому можно прикоснуться, не убивая и не ломая.

Но бывает так, что ни воспитание, ни этические ценности, ни религия – ничто не способно помешать человеку отдаться своим страстям.

Родители Дрогаса, зажиточные торговцы из Анклава Франкфурт, позаботились о том, чтобы все их дети получили приличное образование. Стефан окончил Университет, защитил диплом инженера-оператора ядерных установок, однако работать по специальности не стал. Отверг предложенный «ЕЕ» контракт и, к огромному удивлению друзей и родственников, завербовался в армию Европейского Исламского Союза. Причем не в обычное подразделение, а в Иностранный Легион, воевавший даже когда официальный Эль-Париж со всеми жил в мире. Здесь, в крови и грязи, в пороховом дыму боевых и карательных операций, таланты Стефана раскрылись в полной мере. Здесь, а не на скучной ядерной электростанции. Дрогас охотно принимал участие в военных действиях, стал экспертом по оружию и мастером рукопашного боя. Через год перспективного солдата отправили в диверсионную школу, а оттуда – в специальное подразделение, в которое брали только лучших специалистов. Через два года Дрогас стал офицером. Еще через три вышел в отставку и, несмотря на уговоры европейцев, вернулся во Франкфурт. Стефан не сомневался, что боевой офицер с его послужным списком не останется без работы, и не ошибся. Интерес к ветерану проявили и бандиты, и охранные фирмы, и даже менеджеры Ассоциации. Однако лучшее предложение сделала СБА, причем исходило оно от самого Ника Моратти, тогдашнего директора франкфуртского филиала. Стефан предложение принял и с тех пор ни разу об этом не пожалел. Работа на Моратти наилучшим образом сочетала в себе все, о чем мечтал Дрогас. Он постоянно преступал закон, убивал, подставлял, провоцировал... и оставался безнаказанным. Он играл со смертью в самой сильной команде мира. Он был счастлив.

«„Ускоритель“ – хороший клуб. Нет, без дураков, – действительно хороший. „Цапли“ не зря считаются самым вменяемым московским вагоном, и их база подтверждает репутацию. Здесь не задирают чужаков, ну разве что те сами нарвутся. Пушеры прячутся, их надо искать. А в туалетах можно дышать носом...»

«Дыры и заборы. Книга для тех, кто хочет прожить в Москве больше одного дня».

А еще здесь можно без помех поговорить. У цапель, несмотря на их вменяемость, отношения с СБА оставались натянутыми, Мертвый недолюбливал самый большой и свободолобивый вагон Анклава, и безы охотно пакостили байкерам. Во избежание недоразумений поме-

щения клуба проверяли на наличие прослушки два раза в день, для страховки цапли ставили мощные глушилки, что превращало «Ускоритель» едва ли не в идеальное место для серьезных бесед. Карбид об этом знал и, пользуясь своей дружбой с цаплями, частенько наведывался в клуб.

- Не нравится жесткая музыка?
 - Громкая она, – пожаловался Дрогас.
 - Что?
 - Громкая!
 - Какая?!
 - Громкая!!
- Карбид расхохотался.

Жанна из тех королев,
Что любят роскошь и ночь,
Только царить на земле
Недолго ей суждено.
Ну, а пока, как богиню, на руках
Носят Жанну... Жанну...

По утрам живые группы не играли, цапли включали записи. Как правило, современные, но иногда, как сейчас, старые, чуть не столетние, но не потускневшие, по-прежнему ударные.

- Здесь всегда так шумно?
- В кабинете будет тише, – пообещал Карбид.

Дрогас поморщился, но про себя отметил, что байкер выбрал для встречи неплохое место: редкие посетители клуба потягивали пиво, болтали, громко смеялись, но не обращали на них никакого внимания. Точнее, короткие взгляды бросали, но, опознав Карбида, отворачивались – здесь не принято лезть в чужие дела.

– Пришли! – Карбид плюхнулся на диванчик, ловко открыл банку пива и сделал большой глоток. – Располагайся и ничего не бойся: здесь своих не слушают.

Второй байкер, Рус, тоже открыл пиво, но пить не стал. Наполнил бокал и молча устоялся на пенную шапку.

«О чем думает?»

Стефану Рус не нравился – недоверчивый молчун. Карбид представил его как «брата», хотя родственниками они явно не были: Рус худощавый, с прямыми черными волосами, наверняка южных кровей. Карбид – высокий, плечистый, пышная шевелюра светлая, в рыжину. Рус скуп на эмоции, Карбид шумный, любит находиться в центре внимания. А самое главное: руки. У Карбида мощные кисти, способные сжаться в пудовые кулаки, тонкие пальцы Руса перепачканы черным – смазка и масла въелись в кожу. И эта чернота смущала Стефана: человека, который умеет не только махать кулаками, трудно сбить с пути.

– Альфред, ты говорил, что будет серьезная тема, – припомнил Карбид, открывая вторую банку пива.

Он назвал Дрогаса именем, которое знал, – Альфредом, именно так Стефан представлялся в Москве на этот раз.

- Куда уж серьезнее, – пробормотал Дрогас.

До сих пор Стефан использовал свамперов по мелочам: помогли доставить оружие в южные районы Аравии, напали на магазин в Кришне, приняв участие в создании нужной атмосферы, вот, собственно, и все. Байкеры зарекомендовали себя хорошо, деньги отрабатывали сполна, и Дрогас решил поручить Карбиду куда более важное дело. Однако хмурый Рус,

некстати появившийся на переговорах, мог стать проблемой. Таких, с черными пальцами, сложно уговорить пойти на настоящее преступление.

– Оплата тоже серьезная?

– Кажется, ты уже убедился в моей щедрости, Карбид. Получишь в три раза больше, чем в прошлый раз.

– Хорошие деньги... значит, хороший риск, – подал голос Рус. – Что тебе надо от нас?

Спросил грубо, намеренно грубо.

«Господи, какое детство! – Дрогас едва сдержал смех. – Щенок пытается вывести меня из себя? Затеять ссору? Ну не идиот ли?»

Но если человеку чего-то хочется, надо ему это дать. Дать быстро, пока он не передумал. И дать больше, чем он хотел. Пусть наестся вдоволь. Пусть его стошнит.

– А у тебя что, поджилки затряслись? – высокомерно поинтересовался Стефан.

– Знать хочу.

– Тогда смени тон.

– А что тебе не нравится?

Стефан усмехнулся:

– Маленькая собачка любит задира лапу на большое дерево?

Карбид поперхнулся пивом, но высказаться не успел.

– Нарываешься? – быстро спросил Рус.

– Держи пасть закрытой, когда разговаривают мужчины, – предложил Дрогас.

– Вы чего, охренели? – Карбид, не ожидавший, что ссора будет развиваться с такой скоростью, переводил недоуменный взгляд с одного собеседника на другого. – Мы же за дело говорить пришли.

– Я привык общаться с настоящими мужиками. А не...

– Заткнись!

– Нет, пусть продолжит!

– Лучше заткнись, – качнул головой Карбид.

– А то что? – осведомился Дрогас.

– А то нарвешься на неприятности.

– Хорошо, – после короткой паузы произнес Стефан. – Давайте посмотрим, что вы, ребята, вкладываете в понятие «неприятности». Повторяю: я привык общаться с мужчинами, способными на большие дела, а не с трусливыми маменькиными сыночками, которые любят рассуждать о Настоящих Парнях...

Свамперы атаковали одновременно. Карбид – потому что вспылел. Рус – потому что надеялся дракой прекратить не нравящийся ему разговор.

Разные мотивы предполагали разное наказание. От Карбида Стефан ушел, элегантно увернулся от кулака и плавным движением придал здоровяку дополнительное ускорение, отправив его лбом в стену. Оглушенный Карбид вышел из игры, и Дрогас занялся его недоверчивым помощником. Пяти секунд ему вполне хватило, чтобы как следует отметелить Руса: прямой в челюсть, заставивший парня остановиться, затем еще два удара в голову и несколько пинков ногами по упавшему.

Цапли отнеслись к возникшей потасовке без особого интереса. Дерутся – значит, надо. Главное, что все быстро закончилось.

Убедившись, что Рус не придет в себя как минимум пять минут, Стефан обернулся к очнувшемуся главарю.

Улыбнулся:

– Извини за маменькиного сынка, Карбид. Я не имел в виду тебя. Я ведь вижу, что ты серьезный и основательный мужчина, настоящий лидер. Ты умеешь рисковать и знаешь, с кем можно работать. Я ведь не просто так пришел к тебе.

И протянул руку, помогая байкеру подняться на ноги. И сдал его ладонь так, что Карбид скривился.

- Хорошо бьешься.
- Меня учили, – скупое ответил Стефан.
- Где?
- Допустим, в армии. Тебе не все равно?
- Хорошо учили.

Карбид угрюмо посмотрел на Дрогаса и потрогал наливающуюся на лбу шишку. Он не знал, как вести себя дальше.

Сначала работать со странным человеком, представившимся Альфредом, было легко и приятно. Он щедро оплачивал несложные задания, и у вагона впервые за несколько месяцев появились деньги. Ребята повеселели, и только Рус относился к Альфреду с подозрением – ему не нравилось, что вагон используют как стаю черенков. Но Карбида это не беспокоило. Тем не менее, когда Альфред упомянул о «серьезном» деле, вожак решил взять с собой Руса: одна голова хорошо, а две лучше. И вот что получилось.

- Рус горячий, – пробормотал Карбид, покосившись на распластанного на полу друга.
- Я тоже не айсберг. И шутить со мной не надо.

Угроза? А черт его знает! Карбид признался себе, что проигрывает Альфреду в уме и не всегда улавливает смысл, вкладываемый тем в слова. Угрожает, что, если они не согласятся работать, он сдаст вагон безам?

– Найти хороших и надежных партнеров очень сложно. Канторы – сброд, тупое быдло, работать с ними противно. Ты – другое дело. Ты свободный человек, и ребята твои – свободные. Вам можно доверять. А я ценю доверие. И ценю долгосрочные отношения.

- То есть... – Карбид откашлялся. – То есть мы еще поработаем? Потом?
- А ты думал, кто я?
- Ну, сейчас ты... – Карбид отвел глаза. – Сейчас ты Аравию мутишь.
- Правильно, – усмехнулся Стефан. – Но это сейчас. У меня широкие планы, Карбид, и заданий для тебя будет много.
- Хотелось бы верить.
- Что тебя смущает?
- Я ничего о тебе не знаю.
- Это залог твоей безопасности.

Карбид хмыкнул:

– Пусть так. Но если что-то пойдет наперекосяк, ты свалишь, а мы останемся. И ответим за твои художества.

- Перед кем ответите?
- Допустим, перед Мертвым.

Стефан расхохотался.

– Ты, Карбид, мужик нормальный, но манию величия надо лечить. Какое Мертвому до тебя дело? Или ты думаешь, он за каждым уличным хулиганом лично гоняется? Бунты на территориях обычное дело. Даже если вас поймают, то больше чем пара месяцев в местной тюрьме вам не светит – не того полета птицы. Скажете, что решили подзаработать, и вскорости будете разгуливать на свободе. Причем заметить, Карбид, с деньгами будете разгуливать.

Рус застонал и попытался перевернуться. Карбид поднял с пола банку пива, открыл ее, сделал глоток и поинтересовался:

- Что за серьезное дело?

По роду деятельности Дрогасу приходилось якшаться со всякой швалью: уголовники и психопаты, садисты и сексуальные маньяки, подонки, готовые продать родных за пару монет,

и бескорыстные уроды, потакающие сидящим внутри демонам. Материал, из которого Стефан лепил свои операции. Даже законченный идиот может оказаться полезным, в качестве козла отпущения например, и Дрогас умел находить общий язык со всеми. И ко всем в глубине души относился приблизительно одинаково. Как к мусору.

Принципиальной разницы между канторами и вагонами Стефан не находил, но анализ показал, что работать с московскими уголовниками опасно: СБА зорко следила за канторами, и бандиты, в свою очередь, не считали зазорным делиться со Службой информацией о подозрительных чужаках. Эта идиотская, невозможная в других Анклавах система здорово мешала Дрогасу и заставляла тратить дополнительные силы на поиск исполнителей. Байкеры с СБА не сотрудничали, но жили по своим правилам, и вряд ли кто-нибудь из больших вагонов согласился бы сделать нужную Стефану работу. К счастью, Карбид полностью соответствовал психологическому портрету, который составили для Дрогаса помощники: не очень умный, самолюбивый и жадный. Карбид мечтал превратить свамперов в действительно мощный вагон и понимал, что для этого нужны деньги. Много денег.

Они договорились.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Болото

«Салон Мамаши Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы»

Рано или поздно приходится отвечать на неприятные вопросы

Человек не может жить без загадок, не может не искать ответов, не может все время спать. Ученые объяснили людям, отчего возникают болезни и как с ними бороться, как влиять на погоду и летать в космос, вставили в головы компьютеры и связали их Всемирной сетью. Ученые старались сделать мир понятнее, но добились лишь того, что люди принялись искать другие загадки и задавать ученым вопросы, на которые у них не было ответа.

«Почему невозможно окончательно уничтожить вирусы?»

«Почему коррекция погоды лишь ухудшает экологию?»

«Почему постоянно откладывается пилотируемый полет к Марсу?»

«Что ждет меня завтра?»

И если на первые вопросы ученые худо-бедно научились давать ответы, то последний ставил их в тупик. Человек не желал выслушивать прогнозы, он желал точно знать свое будущее. Наука пасовала и уступала место шустрым предсказателям всех мастей и оттенков. В сети расплодились сайты, автоматически составляющие гороскопы по дате рождения, а то и просто по имени. Не хочешь читать гороскоп? Не беда: подключись к другому серверу, и каждое утро тебе будет приходить письмо с коротеньким предсказанием на день. Не умеешь читать? Выбери голосовой режим, и приятный женский (мужской) голос нашепчет сообщение. И подключа-лись, и выбирали, и слушали. И даже верили. Несмотря на то, что сетевые колдуны гадали даже по номеру «балалайки».

Человек слаб.

Те же из жаждущих, кто располагал временем и деньгами, к виртуальным волшебникам не обращались. Понимали, что предсказание – не пицца, его по сети не закажешь. Составляя гороскоп, настоящий колдун не ограничится только датой рождения, он изучит ауру, посмотрит линии на руке, заглянет в глаза. И богатые домохозяйки отправлялись в магические салоны, пытаясь отыскать в полутемных, наполненных запахом благовоний комнатах ответы на вечные вопросы.

– Неправильно, – произнесла Мамаша Даша, откладывая поданный Матильдой лист с таблицей.

– Почему?

– Ответ сама.

Девушка взяла составленный ею гороскоп, быстро пробежалась по основным выводам, покосилась на исходные данные заказчика и пожала плечами:

– Вроде все в порядке.

– Ты забыла, что женщина родилась не в Москве, – вздохнула Мамаша.

– Черт!

– И не ругайся.

– Извини. Я переделаю.

Мамаша не заставляла Матильду заниматься гаданием, интерес к профессии тетки у девушки возник сам. И укрепился после нескольких случаев...

– Не уходи, – остановила племянницу гадалка. Она взяла Матильду за руку и заглянула в глаза: – Чем ты расстроена?

– Патриция... – нехотя протянула девушка.

– Вы поругались?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

Матильда запнулась. Как ответить? Издевалась? Ну, можно сказать и так: Пэт знала, что подруга не любит быстрой езды. Но «издевалась»... звучит слишком сильно. Увлеклась? Да, наверное, просто увлеклась. В конце концов, «Плутон» – не велосипед.

– Что у вас произошло?

– Пэт повезла меня из Университета на мотоцикле. Быстро повезла. И не остановилась, когда я попросила.

– Она поступила плохо.

– Она очень высокомерная, – бросила Матильда.

– Пэт грубила тебе?

– Нет... но это чувствуется. В жестах, в интонациях... Она как будто стоит на другой ступеньке.

– Когда Патриции было пять лет, Кирилл отдал ее в закрытую школу, – негромко произнесла Мамаша.

– Ты это говорила, – перебила гадалку Матильда. – Но мне кажется, что это ложь.

– Почему?

– Она ничего не рассказывает об этой школе.

– Может, ей там не нравилось, – пробормотала Мамаша.

А девушка, почувствовав растерянность Даши, решила проверить давние подозрения:

– Тетя, ты заставляешь меня дружить с Пэт, потому что так хочет Кирилл? А мы от него зависим?

– С чего ты взяла?

– Ты говорила, что мое обучение в Университете будет спонсировать «Науком»...

Гадалка вздрогнула.

– Да, говорила.

– Учебный год начался, а я до сих пор не подписала с ними контракт. Навела справки и выяснила...

– Да, ты права, – ослабевшим голосом произнесла Мамаша. – Я забыла тебе сказать, что «Науком» нам отказал.

– Но я учусь.

– За обучение платит Кирилл.

– И поэтому я должна дружить с его капризной дочерью?

– Нет! – Мамаша Даша ответила резко, неожиданно резко. И громко. – Ты ничего и никому не должна. Ты можешь пойти к Патриции и плюнуть ей в лицо, если пожелаешь. Можешь облить ее краской и навсегда поругаться. Можешь сделать все, что хочешь: Кирилл огорчится, но продолжит оплачивать твоё обучение.

Матильда помолчала, растерянно хлопая глазами на тетку, затем тихо спросила:

– Это правда?

– Правда.

– Почему он это делает?

– Узнаешь. – Гадалка встала из-за стола, подошла к племяннице и обняла ее за плечи. – Патриция не умеет дружить, это так. Но рано или поздно это пройдет. Поддержи ее, Мата, мы должны ей помочь.

– Почему?

– Потому что она нам нужна.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Аравия

Жаркий день

Большое начинается с малого

Настороженность. Ее запах. Ее шепот. Ее взгляд.

Выжить в Анклаве непросто. Хочешь вернуться вечером домой или в то место, которое называешь домом, – будь внимателен. Не ходи в районы, в которых тебе нельзя появляться. Не говори, чего не следует. Не говори, с кем не следует. Смотри по сторонам. Если ухитришься следовать правилам и не стал параноиком – будешь жить долго. Счастливо или нет, зависит от тебя, но долго. У тебя выработается нюх на опасность. Повинуясь ему, ты покинешь улицу, на которой вот-вот начнется массовая драка, и зайдешь в магазин за секунду до того, как на площади откроет стрельбу психопат.

Согласно официальной статистике первые моб-киллеры убивали в среднем двадцать шесть человек – скорострельные «дрели», которые они, как правило, использовали, необычайно эффективны против толпы. Но когда аналогичное исследование провели через десять лет, аналитики крепко задумались: среднее число жертв снизилось до двенадцати человек. Психопаты продолжали выбирать наиболее оживленные места, продолжали использовать современное автоматическое оружие, но... У людей развился инстинкт. Они стали быстрее вычислять моб-киллеров, быстрее падать на землю, скрываться за углом, а самое главное – избегать опасных зон. В пятнадцать ноль восемь камера наружного наблюдения, установленная на площади Пушкина, зафиксировала толпу численностью около трех тысяч человек, в пятнадцать двенадцать людей было около двух тысяч, а когда в пятнадцать пятнадцать очередной психопат открыл огонь, на площади находилось всего полторы тысячи человек. Подобные данные поступали после каждой акции моб-киллеров.

У людей вырабатывался новый инстинкт.

Он складывался из повседневных мелочей, из наблюдений, из желания жить. Из простых правил, которые устанавливали для себя люди и которых они придерживались машинально, не задумываясь. Например, приезжая в Урус или Занзибар, Слоновски всегда снимал «дыродел» с предохранителя. А вот в Аравии – нет. Район другой. Спокойный.

Был.

Сегодня же в шумном гомоне аравийских улиц ощущалась настороженность, ожидание удара. Взгляды быстрые. Голоса отрывистые. Улыбок почти нет.

Настороженность.

– Они ждут, – негромко произнес Марат.

Грег молча кивнул.

Опытные безы чуяли надвигающуюся грозу лучше всех. И если Слоновски знал, что Аравия вот-вот полыхнет, то рядовые сотрудники СБА, не посвященные в комбинации Мертвого, просто чуяли и вот уже три дня выезжали на патрулирование Аравии в усиленном составе.

– Ждать осталось недолго.

– Надеюсь, мы успеем уехать, – невесело пошутил Марат.

– Надеюсь.

Посещать в эти дни Аравию не рекомендовалось. Официально территорию не закрыли, но все понимали: достаточно одной искры – и взорвется. Сильно взорвется. В любой момент. Но старый Абдурахман, у которого Слоновски собирался разузнать насчет людей Моратти, отказывался говорить о серьезных вещах по сети. Когда-то неосторожность стоила Абдурахману трех лет свободы, и с тех пор он вел дела только лично. Пришлось тащиться.

– К лавке не подъезжай, – пробурчал Слоновски. – Ну его к черту, рисковать. Остановись в паре домов, у щита. А дальше я сам.

– Еще скажи: смешаясь с толпой.

– Постараюсь.

В целях конспирации безы переоделись муниципальными электриками, взяли инструменты, поехали на стандартном фургончике. К городским служащим в Аравии относились нормально, не приставали, но это в обычное время...

– Все, я пошел. – Слоновски, который с трудом помещался в маленькой кабинке «Пежо», выбрался на тротуар, расправил плечи и облегченно вздохнул.

Все в квартале знали, что Абдурахман человек уважаемый. Очень уважаемый.

В свои семьдесят с хвостиком он сохранил ясный и острый ум, которому бы позавидовал иной тридцатилетний. В его лавке продавались ковры ручной работы. Торговля процветала и пользовалась популярностью среди известных дизайнеров, оформляющих квартиры богатым каперам и верхолазам. Дети Абдурахмана выросли, трое сыновей жили в достатке, двум дочерям старик нашел достойных мужей. Все было хорошо.

Но по-настоящему уважаемым человеком делали Абдурахмана не мудрость и богатство, а обширные связи среди аравийских канторщиков. Сам старик уголовником никогда не был (ошибки молодости не в счет), но авторитет среди бандитов имел высокий, умел нужные слова для любого человека подобрать, совет хороший дать, подсказать, с кем иметь дело, а кого поостеречься. Абдурахман нынешних вожakov канторских сопливыми юнцами помнил, и к его мнению прислушивались. И не только прислушивались. Когда назревали серьезные дела, затрагивающие интересы нескольких кантор, старик частенько оказывался в самом центре интриг: ему доверяли, и случалось, скромный торговец коврами обеспечивал совместную работу группировок, вожаки которых терпеть не могли друг друга. Всякое бывало.

Назревающие в Аравии беспорядки оказались на руку канторам – удобный повод придавить обнаглевших конкурентов из Кришны. Однако открыто раздувать конфликт бандиты не хотели: опасно, да и уважение соплеменников можно потерять. Вот и поручили контроль за ситуацией старику – он и канторские интересы соблюдет, и СБА из виду не выпустит, и недругов Мертвого к делу пристроит. Альфред, появившийся некоторое время назад в Москве, денег на бунт не жалел, но аравийцы его к себе не подпустили, на Абдурахмана вывели. Деньги, разумеется, взяли, советами профессиональными воспользовались, а что дальше с чужаком

делать, оставили на усмотрение старика, захочет безам сдать – пусть сдает, никого судьба провокатора не волновала.

Абдурахман же, обдумав все тщательно, решил Альфреда отдать, списать на чужака организацию беспорядков. Но торопиться старик не хотел, и сегодня Слоновски ожидала первая порция информации: подтверждение, что бунт готовят профессионалы из другого Анклава, и обещание передать их в руки московского СБА. Предложение щедрое, и Слоновски придется раскошелиться...

Два совпадения за один день... Возможно ли?

Сначала пилот-сверхзвуковик, теперь громила в форме муниципального электрика, невозмутимо вышагивающий по улицам Аравии. В отличие от пилота громила не удостоил Урзака вниманием, прошел мимо, равнодушно скользнув взглядом.

И унес на своей ауре пыль Чудовища.

«Сколько же у него слуг?»

Короткий укол, мгновенный приступ неуверенности.

«Хватит ли сил для победы?»

«Не веришь? Тогда зачем начинал?»

Банум шел, не поднимая головы. Очередная – и опять случайная! – встреча со слугой врага навела его на неприятные размышления.

Верю, в себя верю. Кем бы ни было Чудовище в прошлой жизни, ему не сравниться с Избранным.

Никто в мире не мог повторить путь Урзака.

А значит, исход схватки предопределен.

Традиция умрет окончательно. Уступит место китайцам. Мусульманам. Индусам. Католикам Вуду. Всем, кто оказался сильнее.

«Живучее».

«Неважно».

«А что важно?»

«Чудовищу нет места на Земле. Его Путь – кровь».

Банум остановился перед железной дверью подъезда. Искусственный палец прикоснулся к кнопке домофона.

– Вы к кому?

– Передайте шейху Удэю, что его хочет видеть Хасим Банум.

К Абдурахману Слоновски так и не попал. Перехватили по дороге. Остановили. Не дали пройти.

Но обо всем по порядку.

В том, чтобы не подъезжать к лавке старика, был смысл: не следует привлекать лишнее внимание к верному человеку. Учитывая положение дел в Аравии, даже визит врача может вызвать у соседей подозрения. Посему Слоновски пошел пешком. Он рассчитывал пробыть на улице не более пяти минут, достаточно, чтобы сыграть роль, продемонстрировать, что он заурядный служащий, занимающийся полезными делами, и без помех войти в лавку. В обычное время замысел бы удался, в обычное время Грег вряд ли бы заметили – среди черно-волосых обитателей Аравии постоянно мелькали европейские лица, но Слоновски недооценил уровень напряженности, и даже форма муниципальной электрической компании, которую напялил Грег, не помогла.

Собственно, с формы все и началось.

Слоновски покопался в распределительном щите, изучил показания счетчиков, покачал для вида головой, огляделся, захлопнул дверцу и неспешной походкой направился к лавке.

И услышал грубоватый голос:

– Эй, капер!

Интерес к муниципальному служащему проявил юнец, отделившийся от небольшой группки черенков, болтающейся у информационного экрана.

– Я не капер, – миролюбиво отозвался Грег.

– Тогда кто?

Не будь Слоновски под прикрытием, он бы просто смахнул с дороги нахального щенка и пошел по своим делам. А рыпнулись бы – продемонстрировал жетон СБА или «дыродел», в зависимости от настроения. Но обстоятельства требовали играть роль инженера, а инженеры, насколько знал Грег, вели себя не так, как начальник отдела прямых переговоров. Юнец преградил дорогу, и Слоновски остановился, искренне надеясь, что конфликт разрешится сам собой.

– Саид, отстань от работяги!

Грег приободрился. Приятели нахального черенка не планировали прессовать заезжего электрика, так что еще пара секунд унижений, и его отпустят. Но юнец, к сожалению, не прислушался к совету друзей.

– Да какой он работяга, Махмуд? – Указательный палец Саида уткнулся в бицепс беза – тонкая ткань комбинезона не могла скрыть могучего сложения. – Ты посмотри на его лапы! Здоровый, гад.

– Меня мама таким родила, – смущенно пробормотал Слоновски.

Это было истинной правдой.

– А где твоя мама? В «Пирамидоме» служит?

Юнец сделал маленький шаг вперед. От него пахло соевым кебабом и «травкой». Злые глаза, чуть подрагивающие губы. Щенок нашел жертву.

– Саид, успокойся!

Медленно звереющий Грег помялся и несмело улыбнулся:

– Пожалуйста, можно я пойду? Мне не нужны неприятности.

– Ты зачем сюда приехал?

– Абдурахман задолжал за электричество... – машинально выдал легенду Грег и тут же прикусил язык, запоздало поняв, что для истеричного черенка следовало бы придумать что-нибудь иное.

– Кровопийца вонючий! – взорвался юнец. – Из честного человека деньги тянешь? У нас кришны магазины жгут, а тебе деньги подавай, да? Пошел отсюда, сволочь!

Черенок толкнул Слоновски в грудь. Попытался толкнуть.

И тут Грег допустил вторую ошибку. Он ответил. Достала его роль инженера. Не справился.

Удар пудового кулака отбросил щенка к стене.

Стая оторопела.

Слоновски молча развернулся и бросился наутек.

Толпа была разнородной.

Впереди неслись черенки, штук семь или восемь. Рты перекошены, видимо, орут, у некоторых в руках ножи. Следом бежали мужики постарше, скорее всего решившие развлечься местные бандиты. За ними зеваки и дети. Этим интересно посмотреть на развязку, увидеть, что сделают с чужаком. Убьют или измолотят до полусмерти? Окна в квартире стояли хорошие, звуки не пропускали, но Урзак знал, что шума на улице достаточно. Люди всегда кричат, когда пахнет кровью.

Аравийцы преследовали громилу в форме электрика. Что он натворил? Какая разница? Натворил, и все. Люди напряжены, и любой пустяк может вывести их из себя: наступил на

ногу и не извинился, слишком пристально посмотрел на женщину, не уступил дорогу мулле. Громила допустил ошибку и теперь пытался спастись. Сумеет? Вряд ли. В обычное время его мог выручить патруль СБА, но сейчас безов на улицах мало, и станут ли они связываться с толпой – большой вопрос. Так что попал электрик, крепко попал. Правда, удирал громила мастерски. Беглецов, как правило, перехватывают прохожие: кидаются под ноги, хватают за руки, за одежду, заставляют притормозить, потерять время. Но здоровяк оказался силен, и смельчаки, рискнувшие преградить ему путь, кеглями разлетались в стороны. Потом вскакивали и присоединялись к преследователям. Толпа росла на глазах. Кто-то запустил обрезок трубы в витрину, кто-то ударил битой оказавшийся на дороге мобиль. Хозяин пострадавшей машины вцепился в обидчика, у того нашлись защитники, несколько прохожих вступились за владельца мобиля. Завязалась драка. На улицу, потрясая дробовиком, выскочил владелец магазина. Грохот выстрела долетел даже сквозь толстые стеклопакеты.

Урзак отошел от окна.

– Беспорядки начались.

– Еще нет, – спокойно ответил шейх Удэй. – Но скоро начнутся.

– Вас это не беспокоит?

– Беспокоит, – признал шейх. – Но это естественная часть жизни любого общества.

– Естественная?

– В рай мы попадаем после смерти, а на земле слишком много зла. Кого-то выгнали с работы, кто-то недоволен низким доходом, у кого-то несносная жена, чей-то сын стал наркоманом или дочь опозорила себя, связавшись с неверным. В повседневной жизни слишком много негатива. Какое-то время человек держит себя в руках, потом начинает срываться на близких, потом выходит на улицу. Провокаторы неспособны создать неудовольствие, они лишь спички. Костры же раскладывает жизнь.

– Вы хотите сказать, что есть провокаторы?

– Конечно, – после короткой паузы кивнул Удэй.

– Бунт вызывается искусственно?

– Любой бунт вызывается искусственно, уважаемый Хасим. Кто-то должен встать и сказать: «Пойдем». Кто-то должен показать, что можно перейти черту: ударить первым, разбить витрину, поджечь мобиль.

– Вы не препятствуете?

Шейх вздохнул и долил кофе в свою чашку.

– Уважаемый Хасим, я знаю, вы живете уединенно.

– Совершенно верно.

– Как часто вы встречаетесь с людьми?

– Только по необходимости.

– В таком случае вам не следует осуждать тех, чей образ жизни кардинально отличается от вашего. Поведение, разумное в пустыне, выглядит глупо в джунглях. И наоборот. Население Анклава давно перевалило за сорок миллионов человек. Восемь из них живет у нас, в Аравии. Вдумайтесь в это число, уважаемый Хасим, – восемь миллионов! Мы не заперты в клетке, наши люди ездят на работу на Колыму, Болото и даже в Сити, но ведь и там они не оказываются в пустыне. Толпы повсюду: на улицах, на площадях, в метро. Днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки. Дешевые жилые дома похожи на муравейники, люди во дворах, люди на лестницах, люди на этаже. Взгляды, голоса, смех, слезы. Чужие эмоции. Шум. Уединение практически недостижимо. Лишь двадцать процентов жителей Анклава могут позволить себе отдых за его пределами. Остальные варятся в котле постоянно.

– В какой-то момент им все это надоедает, – пробормотал Урзак.

– Очень сильно надоедает, – подтвердил шейх. – И тогда мы читаем в новостях о том, как скромный лавочник учинил пальбу на оживленной площади. Деятнадцать убитых, шесть

раненых. «Дрель» – прекрасное оружие для уличного боя, а новые боеприпасы «Науком» не оставляют ни одного шанса.

– И вы не мешаете людям выпускать пар.

Удэй промолчал.

Банум уселся в кресло напротив шейха и одним глотком допил остывший кофе.

– Когда полыхнет?

– Почему вас это интересует?

– Я снял квартиру в Аравии. Думал, здесь спокойно.

– Полагаю, вам следует переехать.

– Понятно. – Урзак отщипнул две виноградины, повертел в пальцах. – Жаль.

– Мы запускаем внутрь наны, вживляем «балалайки» и летаем на Луну, – медленно произнес Удэй. – Но изменить себя мы не можем. – И посмотрел на Банума: – Мне жаль, что так получилось, уважаемый Хасим. Но во всем остальном вы можете рассчитывать на мою полную поддержку.

Лишней крови Слоновски не хотел, но и терять темп не желал, знал, что если догонят – убьют. Пока Грег справлялся с появляющимися смельчаками с помощью кулаков, костяшки разбил в кровь, но это ерунда – очень уж не хотелось стрелять. Слоновски понимал, что первый же его выстрел окончательно взорвет ситуацию. Преследователи откроют ответный огонь, и все закончится большим шумом.

Слоновски не хотел стрелять.

Но пришлось.

Развернувшийся поперек улицы мобиль кулаком не смахнешь. Грег перепрыгнул через капот, но сидевший за рулем парень успел выскочить и ударить Слоновски по ноге. Без пока- тился по асфальту. Толпа взвыла. Грег опережал ближайших преследователей шагов на двадцать, и аравийцы не сомневались, что успеют нагнать дерзкого электрика. Слоновски в свою очередь не сомневался, что успеет удрать, потеряв пять-семь шагов преимущества.

Ошиблись все.

Грег молниеносно вскочил, но продолжающий играть в героя водитель уцепился за его лодыжку, намереваясь вновь отправить беглеца на асфальт. Не получилось – крепко стоящего на ногах Слоновски можно было свалить разве что танком, но время...

Через мобиль перепрыгнул первый черенок.

И словил пулю.

Переключение на автомат, и очередь из шести пуль по толпе. Переключение на одиночный, и герой-водитель утыкается в асфальт. Переключение на автомат, и еще две очереди в толпу.

Опустевшая обойма со звоном упала на асфальт. Слоновски на бегу перезарядил «дыро- дел» и юркнул в ближайший переулок.

– Нас слишком много, уважаемый Хасим, и у нас слишком мало места. Увы, это факт. Анклавы являются срезом общества: ограниченная территория и колоссальная численность населения. Заметьте: смешанного населения. Остальной мир пока не достиг этой стадии, но приближается к ней. Вы говорили, что живете уединенно. Насколько?

– Ближайшее поселение находится в двух километрах, – ответил Банум.

– Старое поселение?

– Нет, новое.

– Когда оно появилось?

– Я понял ваш вопрос, Удэй, – вздохнул Урзак. – Двадцать лет назад от моего дома до ближайшего жилья было девять километров.

Шейх склонил голову:

– Мир изменился, уважаемый Хасим. В Европе относительно спокойно, но только потому, что, слава Аллаху, население моей родины однородно. Но что произойдет, когда оно станет слишком большим?

Или в мире появится чересчур много чужаков?

Индусов и китайцев под зеленые знамена не поставишь, у них свои Традиции. То же с Католическим Вуду. Даже болезни не в состоянии существенно снизить численность населения, современная медицина справилась с пандемией белого гриппа за месяц, четырнадцать миллионов умерших не повлияли на общую картину: людей становится все больше и больше.

Рано или поздно инстинкт самосохранения погонит их на соседей. Что случится, если Омарский Эмират и Китай схлестнутся по-настоящему? Не в далеком Тихом океане, ради нескольких нефтяных скважин, а на земле? Ради земли?

Когда-то считалось, что главная проблема человечества – еда. Генная инженерия закрыла этот вопрос. Еды хватает. Пусть она искусственная, но ее можно есть. Мы сумели найти выход из водяного кризиса, обеспечили людей дешевой и сносной водой. Мы преодолели проблемы с нефтью, пересадив экономику на электричество. Но все равно оказались в тупике. Мы становимся врагами друг другу. Мы погибнем без новых земель.

Шейх помолчал.

– И мои рассуждения возвращают нас к вопросу, ответа на который у вас нет: что нужно Чудовищу?

Банум недоуменно посмотрел на собеседника.

– Попробовать оживить Традицию – глупо, – развил свою мысль Удэй. – Воду нельзя налить в разбитый сосуд. Вы – прошлое, уважаемый Хасим, вы мертвы. Развязать войну, чтобы отомстить всем? Для этого не требуется прикладывать усилий, достаточно просто подождать, рано или поздно мы сами сойдемся в битве. Но Чудовище не затаилось, оно рискует. Ради чего? Какой путь оно видит? Куда? Не сможем ли мы пойти следом?

– Вы правы, Удэй, у меня нет ответа на этот вопрос.

– Не получится ли так, что Чудовище знает больше вас, уважаемый Хасим? Не получится ли так, что, убив его, мы останемся в тупике? Превратим мир в арену Последней битвы и своими руками погубим наши Традиции? Не потому ли Чудовище пошло на риск, что знает: в любом случае добьется своего. Если оно победит, то получит желаемое, если проиграет – отомстит всем нам?

Урзак опустил глаза и посмотрел на свои руки. На свои мертвые, механические руки.

«Не допустил ли я ошибку?»

– Вы правы, Удэй, пребывая в уединении, я выпал из реальной жизни.

Шейх улыбнулся и вернулся к роли радушного хозяина:

– Попробуйте пахлаву, уважаемый Хасим, она великолепна.

– Благодарю.

Банум откусил сладкий кусочек, прожевал. Прищурился, глядя на спокойное лицо араба.

– Традиции сдерживают людей, но делают их чужими. Не позволяют смешиваться по-настоящему. Получается, пока они существуют, есть поводы для войн.

– Если Традиции умрут, мы превратимся в животных.

– Европейцы не превратились.

– Потому что в большинстве своем ушли в нашу Традицию. Выбрали правильный путь. – Удэй помолчал. – Сделали нас сильнее.

– А если ваша Традиция рухнет?

– Аллах всемогущ, – спокойно ответил шейх. – Понимание этого факта и есть ответ на ваш вопрос, уважаемый Хасим. Чудовище опасно для полубезумных Католиков Вуду и желтых

варваров, которые до сих пор играют в мистические игры. Мы слишком сильны для него. А потому готовы подождать и посмотреть, что Чудовище сможет нам дать.

Называть Марата своим спасителем Слоновски не стал. Зачем? Напарник поступил именно так, как должен был поступить в данных обстоятельствах.

Увидев, что Грег дал стрелача, Марат спокойно выехал на параллельную улицу и медленно двигался по ней, ожидая, когда шустрый напарник соизволит к нему присоединиться. Свои действия безы корректировали через «балалайки» и, если бы не герой-водитель, обошлись бы без жертв. Но раз пришлось стрелять, Марат в стороне не остался, прикрыл напарника, когда тот прыгал в заботливо открытую заднюю дверцу фургона: дал очередь по толпе, после чего вернулся за руль и надавил на газ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.